

# Железный Век

Никита  
Савельев



12+

Никита Савельев  
**Железный Век**

«Автор»

2020

## **Никита Савельев**

Железный Век / Никита Савельев — «Автор», 2020

30-е годы прошлого века. Эпоха джаза, золотого века кино и великих потрясений. В Европе набирает огромную популярность автоспорт. Быстрые и красивые машины, бесстрашные и безрассудные пилоты, скандалы и смертельные аварии. Германия и Италия рвутся к власти не только на мировой арене, но и на гоночных трассах. Молодой британец Джонни ставит на кон все, чтобы пробиться в чарующий и опасный мир гонок. А для этого нужны подвиги не только на трассе, но и за ее пределами. Между тем Европу лихорадит, она все больше напоминает бочку с порохом и готова вот-вот взорваться.

© Никита Савельев, 2020

© Автор, 2020

## Содержание

|  |    |
|--|----|
| Пролог. Италия, к северу от Милана, район бывшего королевского парка. Май 1939 года. | 5  |
| Глава 1. Пригород в Восточной Англии. 1927 год.                                      | 6  |
| Глава 2. Где-то в Восточной Африке. 1929 год.  | 10 |
| Глава 3. Западная Англия. Окрестности графства Вустершир. 1933 год.                  | 15 |
| Глава 4. Италия, пригород Болоньи. Апрель 1934 года.                                 | 18 |
| Глава 5. Швейцария. Близ кантона Аргау. Август 1934 года.                            | 22 |
| Глава 6. Северная Италия, 20 километров от Генуи. Октябрь 1934 года.                 | 25 |
| Глава 7. Франция. Центральная площадь города Ним. Март 1935 года.                    | 28 |
| Глава 8. Испания, район Сан-Себастьян. Июнь 1935 года.                               | 35 |
| Глава 9. Италия. Пляжи Сан-Ремо. Август 1935 года.                                   | 38 |
| Глава 10. Чехословакия, лучшая гостиница города Брно. Май 1936 года.                 | 41 |
| Конец ознакомительного фрагмента.  | 42 |

# Никита Савельев

## Железный Век

### Пролог. Италия, к северу от Милана, район бывшего королевского парка. Май 1939 года.

Репродуктор выплевывал бесконечную скороговорку комментатора. Возбужденный голос вещал: мы станем очевидцами старта нового сезона автогонок. Легендарные итальянские автомобили будут бороться с немецкими соперниками – предстоят напряженные часы для восемнадцати смельчаков на необычайно быстрых машинах по тяжелой и коварной трассе.

Джон, разумеется, и так все знал: он один из этих восемнадцати гонщиков. Газетчики называли их по-разному: кто-то героями, ведь требуется немало отваги, чтобы покорить громоздкое железное чудовище в пятьсот лошадиных сил, а кто-то и безумцами, поскольку нормальный человек не сядет за руль мощного и тяжелого в управлении автомобиля. Впрочем, на их мнение Джону наплевать. Его задача выйти на старт и победить, при этом не угробив себя. Эпитеты пусть придумывают другие.

Джон оглядел переполненные зрителями трибуны и широкую стартовую прямую – там в несколько рядов размещались его соперники. Если постараться, можно ощутить непередаваемую смесь эмоций – так бывает только перед гонкой: страх, восторг, напряжение, радость, тревога. Ни механики, ни руководство команды к нему не приближались. Лишние слова перед стартом ни к чему. А когда на дистанции советчики тем более без надобности.

Шлем, перчатки. Джон устраивается за рулем. А когда он опускает на глаза очки, падает последний барьер, и окружающее меняется окончательно, теперь он уже по иную сторону мира. В эти моменты ощущения предельно обострены, ты уже не совсем человек, а фантастическое существо, которому предстоит на долгие часы слиться с автомобилем в единое целое.

Джон вдавил педаль сцепления, ожидая, когда судья взмахнет флагом – и гонка стартует. В первом ряду взревели четыре машины. Он же стоял во втором. Но это не страшно – впереди длинная дистанция, где может случиться все что угодно. А он должен, нет, скорее обязан, сегодня одержать победу и доказать всем, кто на самом деле лучший гонщик Европы.

Пять, четыре, три, два...

И тут случилось непредвиденное.

## Глава 1. Пригород в Восточной Англии. 1927 год.

Время до обеда тянулось медленно, точно патока. Констебль полицейского участка Уортон со вздохом посмотрел на часы и представил жирные кусочки бекона и поджаренного хлеба на сковороде. Но проклятая минутная стрелка, казалось, не меняла положения.

Тогда Уортон взглянул в окно, где виднелся дворик полицейского участка. Неужели не выдержал и ушел? Нет, стоит – прислонился к стволу дерева. Вот же терпение, любой взломщик со стажем позавидует.

По правде говоря, в их городке почти не бывало событий, требующих полицейского вмешательства. Поэтому Уортон сегодня дежурил в одиночестве – на всякий случай. Но никаких текущих дел не скопилось, а единственным посетителем оказался вздорный мальчишка. Так что Уортон выдерживал его во дворе из чистой вредности – пусть прочувствует глубину своего проступка.

Со вздохом Уортон поднялся с места и зычно крикнул в форточку:

– Милтон! Джонни Милтон! Проходи.

Перед тем как парень вошел в кабинет, констебль успел застегнуть мундир на все пуговицы – сегодня жарковато. Пусть видит власть во всей красе. А шлем надевать не стал: уж это перебор.

Не торопясь, со вкусом Уортон оглядел нескладного молодого человека. Тош и лопоух. Темные волосы взъерошены. А вот физиономия симпатичная – такие должны нравиться барышням. Со временем возмужает. Милтон смотрел на констебля, не мигая и не отводя глаза.

Выждав необходимую паузу, Уортон веско произнес:

– То есть ты, Милтон, желаешь, чтобы я снова разрешил тебе летать на этом железном... чудовище?

– Мистер Уортон, мой мотоцикл совсем не заслуживает таких слов, – вежливо ответил паренек.

– Дорогой Джонни, как раз-таки наоборот, – тон превратился в назидательный. – Ты носишься взад и вперед по тихим улицам, распугиваешь добропорядочных жителей. Подвергаешь опасности себя, и не только себя. Вот недавно Джек Джейкобс чуть не угодил тебе под колеса...

– Так он напился как собака и передвигался зигзагами, – парировал Джонни.

– А миссис Томпсон и миссис Харрис? – не останавливался констебль. – Эти пожилые леди спать не могли, пока ты носился возле их дома...

– Нечего спать в обед, старушки могли выбрать для сна и другое время...

– А гусь мистера Ривера? Бедное животное, каково ему найти смерть под колесами...

– Ага! Словно перина взорвалась! – радостно вспомнил Джонни.

– Заканчивай носиться как на пожар, – не меняя суровой интонации, распорядился констебль. – И о родителях подумай, какое несчастье будет, сверни ты шею. Ты единственный, кто так торопится в нашем мирном городе, даже я не так... – Уортон задумался и не стал продолжать мысль, резонно рассудив, что ему порой все-таки следует иногда поспешать.

– Констебль Уортон, прошу Вас: верните мотоцикл, – храбро выпалил Джонни. – Обещаю не носиться по городу и передвигаться немногим быстрее человеческого шага. Не забывайте, мне нужно помогать отцу. Сегодня требовалось поехать с поручением к мистеру Хейзу, а кого отправишь?

Уортону понравилось, что парень держался с достоинством. И в самом деле, историю с гусем благополучно замяли, вина заглажена. Джонни можно понять – кому из нас не хотелось в девятнадцать лет покрасоваться перед девчонками? Но все-таки власть есть власть. Куда мы скатимся, если с юных лет к ней станут пренебрежительно относиться?

– Будешь еще озорничать – отберу права окончательно и не посмотрю, что твой отец – уважаемый человек. Вот именно – уважаемый!

Уортон воздел палец кверху:

– А значит и ты должен...

Как назло, мысль сбилась, и констебль оборвал фразу на полуслове. Ну, ничего – недосказанность из уст власти тоже неплохо.

– Мотоцикл отдам, но при малейшем нарушении порядка – пеняй на себя, – буркнул Уортон.

Джонни просиял, рассыпаясь в благодарностях.

– И запомни, моя задача как полицейского не столько наказать, сколько научить разуму и не допустить рецидива, – отчеканил Уортон. – Пойдем к сараю – там твой монстр.

Наблюдая, как Джонни устраивается в седле, Уортон строго заметил:

– И не вздумай направиться к Мэри Брэндон, поедешь через город – переполошишь всех в обеденное время. Нечего встречаться с девушкой на этом рычащем чуде, весь в пыли, будто дворник. Пешком ходи на свидание, как и делают порядочные горожане.

– Разумеется, констебль, – кротко молвил Джонни. Даже подозрительно кротко.

– Делом бы тебе заняться, – по-отечески напутствовал Уортон. – Может, к нам? В полицию? Парень ты лихой, вон как ловко у тебя получается с этой штукой, никто у нас в городке не может, как ты.

И тут голос Уортона потонул в грохоте мотора. Несносный мальчишка, похоже, нарочно притопил газу сильнее, чем требовалось: мотоцикл, соскучившись по воле, взорвал провинциальную безмятежность и помчался по улице, обдав Уортона на прощание выхлопом бензина.

Констебль с негодованием покачал головой, что же делать с парнем – пока не перебесятся? Хотя это скорее забота его родителей. Уортон и не заметил, как подкрался обед. Вот и прекрасно. Уже совсем проголодался.

Джонни выкрутил ручку мотоцикла – звук мотора вспорол окрестную тишину, возвестив обывателей о возвращении Милтона-младшего в седло. Хотя никто не смог по достоинству оценить ни рев двухколесного зверя, ни уверенную езду седока – вокруг просто никого не было. Жители городка, как всегда, заняты делом: в этом тихом углу Старой Англии лодырей не жалуют, праздню шататься по улицам некому.

Собака мисс Бэйтс единственная порадовалась его появлению, попробовала перелаять рык мотоцикла и даже пробежала пару десятков метров следом за Джонни, но ей быстро надоело. Неведомо чья курица, напротив, ничуть не стремилась встречаться со злым роком, и Джонни, слегка изменив траекторию, избавил ее от гибели. Иначе хозяев ждал бы урок – следите лучше за своей несущей

На изгибе дороги Джонни постарался тормозить как можно меньше, снижая скорость за счет работы газом. Но маневр вышел слишком резким, на повороте мотоцикл занесло, и вместо красивой дуги получился совсем неэлегантный рывок. Хорошо, никто не увидел. Джонни выровнялся в седле и помчался дальше.

В сознании проявился волнующий образ, губы сами вспомнили ощущения других губ, полных и очень горячих. Но дальше поцелуев дело пока не зашло. Мэри Брэндон, бывшая одноклассница. Очень хотелось обрадовать ее известием, что он вновь за рулем, показать ей, что он ничуть не утратил навыков быстрой езды. А, может, и прогуляться в сторону рощи, это очень удобно, поскольку Мэри живет на окраине городка.

На нужной развилке очень хотелось повернуть в другую сторону, но Джонни сдержал себя. С неторопливым, но непреклонным Уртоном лучше не спорить. Судьба водительских прав Джонни и в самом деле повисла на волоске. Это сегодня разомлевший полицейский

вполне благодушен, а тогда, после истории с гусем, был вне себя от ярости. Ладно, Мэри может и подождать.

В конце концов, его воспитывали примерным мальчиком, и к синим мундирам он относился вполне уважительно. Только все знакомые ему полицейские почему-то не вызвали ассоциаций со скоростью и риском. А жить без этого – ой как скучно.

За полдня Джонни с этими переживаниями нагулял отличный аппетит и сейчас жадно, с удовольствием поедал горячую похлебку. Отец, напротив, ел не спеша, делая длинные паузы прежде чем окунуть ложку в тарелку. Мама же не обедала: наблюдала за мужчинами, подперев подбородок руками. Миссис Милтон была еще совсем не старой женщиной, сохранила красоту и стройность – при том, что все держалось исключительно на ней: и хозяйство, и ее мужчины.

Джонни вообще любил оставаться дома только с родителями, хотя такая возможность выпадала редко. Последнее время в обществе вечно занятых братьев Джонни ощущал себя неуютно. Младший Пол пропадал где-то на курсах – ему нравилось возиться с документами, и он готовился поступать в университет по какой-то экономической специальности. А еще у Пола обнаружилась способность к изучению языков. Старший Мартин уехал в Бирмингем, ближайший крупный город, по делам отцовской компании: он отвечал за контакты с поставщиками.

Милтон-старший владел крупной мастерской по ремонту машин – настолько крупной, что к нему приезжали из соседних городов. Хотя консервативные жители захолустья с опаской переходили с лошадей на технику, тем не менее, автомобили получали все большее распространение. Но несовершенные конструкции легко ломались. Не хватало людей, которые умели с ними управляться, и уж тем более – чинить. Отец Джонни недавно нашел опытных рабочих и занялся еще и тракторами. Так что бизнес пошел в гору, увеличивая доходы семьи Милтонов.

Сегодня все посчитали обязательным обсудить судьбу Джонни, и после обычных застольных тем разговор свернул в опасное русло.

Мать провела рукой по лицу Джонни, на котором отпечатались следы от мотоциклетных очков. Он не сильно усердствовал, умываясь: руки еще как-то помыл, а вот лицо...

– Гарри, раз в полиции сжалились над Джонни – ему снова придется мотаться на этом дурацком мотоцикле между городами. Неужели никого другого нельзя найти на место курьера? Пристрой его к себе, пусть займется делом.

– И вовсе он не дурацкий, – возмутился Джонни, убирая руку матери от лица.

– Оливия, дорогая, неужели ты не видишь: как ни прискорбно, но у Джонни напрочь отсутствуют способности к работе в гараже, он ненавидит возиться с железками.

– Папа, что ты такое говоришь? Нет способностей?! – в голосе сына звучала обида. – Когда «Дракон» сломался, я его чинил весь день. Сам. И починил.

– Ладно, ладно, – поднял ладони отец, – способности у тебя, может, и найдутся, но где усидчивость? Где желание? Ты возился весь день, потому что знал: никто тебе чинить мотоцикл не будет. Сам сломал, сам и делай. Иначе бы пешком ходил – а это для тебя хуже пытки.

– Появится у него усидчивость, – мама не сдавалась.

– Оливия, я давно научился различать, у кого и к чему склонность. Мне нужны спокойные парни, чтоб весь день старательно возились в гараже. Ради денег, или ради удовольствия и денег. Заставлять я никого не буду, родного сына тем более. Для переговоров с поставщиками он еще слишком юн, да и не его это. Скучно ему, видите ли, считать болты и трубы.

– Получается, ваш средний сын ни на что не годен, – усмехнулся Джонни, – спасибо, отец!

Мама, желая подбодрить, приобняла сына, но тот увернулся. Что еще за нежности, спрашивается?!

– Хватит молоть чепуху. Да, ты не хочешь заниматься техникой, как я, или работать в поле, как твой дед. Я не вижу в тебе продолжателя моего дела, на это есть Мартин. А еще у тебя

нет желания заниматься коммерцией, и в университет ты тоже не спешишь. Но кто говорит, будто из тебя ничего не получится? Я – никогда!

– Меня все устраивает, – этот спор звучал уже не первый раз, и Джонни знал все реплики наперед, – но я тоже не хочу сидеть на вашей шее. В конце концов, мне уже девятнадцать.

– Конечно, устраивает: пугать соседей и производить впечатление на девчонок – это же так занимательно, – ухмыльнулся отец. – Но ты прав. В нашей семье все всю жизнь занимались делом. Кроме дяди Билли... И ты не должен стать исключением. Ты смел и бесстрашен, а это уже немало. Вот что у тебя получается лучшего всего?

– Носиться на этом ужасном... «Драконе», – ответила за Джонни мама, – придумал же название!

– Это как раз никуда не приспособить. Ну, не приедет он в Бирмингем за час, так приедет за полтора. Я про другое. С войны прошло почти десять лет, жизнь понемногу налаживается. Вот и фирма наша на ноги встала, семью я всегда смогу обеспечить. А таким смелым, но беспокойным молодым людям, как Джонни, самое место на военной службе. Там определенно найдется применение его особым талантам; он всегда будет сыт и одет. И новой войны пока, слава Господу и нашему королю Георгу, не предвидится.

– Вечно ты, Гарри, хочешь его сплавить! – взмахнула руками мама, – он хоть и смел, но еще ребенок, наиграется с мотоциклом. Даже твой дядя Билли одумался – поздновато, конечно...

– Если в армию, то в авиацию, – сказал Джонни. – Маршировать с винтовкой ничуть не лучше, чем в гараже каждый день один и тот же винт прикручивать.

– Какая еще авиация, совсем ума нет, – разозлилась мама. – В кого же ты такой?! Мы с твоим отцом всю жизнь живем в деревне.

– Мама, так я же как лучше хочу. За техникой будущее, неужели не замечаете! У нас недавно всего один помощник в мастерской работал, а сейчас их больше десятка. И за самолетами будущее, скоро все так воевать начнут: только танками или в воздухе.

– Какое еще «воевать»?! Гарри, скажи ты ему!

## Глава 2. Где-то в Восточной Африке. 1929 год.

Песочный грузовик, гордость британской промышленности, катил на полной скорости по выжженной земле. Жесткое ребро борта больно упиралось в локоть, и Джонни постарался немного сменить позу: в тесном кузове это было непросто. Водитель, рядовой Гриффин, гнал по прямой, нимало не заботясь о пассажирах – их жестко трясло, приходилось постоянно придерживать винтовку. Вот позору-то не оберешься, выпадет она за узкий борт на грязно-желтый песок то ли саванны, то ли степи. География никогда не была сильной стороной Джонни. Одно он знал точно: несмотря на ровный вид сверху, рытвин и ям тут хватало. Задница ощущала их слишком остро.

– Пьем мы, значит, с ней еще по кружечке эля. Чую, дама ко мне благоволит, и уже пора, – штаб-сержант Холл украсил свой рассказ похабным жестом. – Но куда ж мне ее вести? Своего угла нет, не на улице же ... хм. Но когда солдат армии Его Величества терялся?! Само собой, я, мать вашу, проявил смекалку... Милтон, ты чего скалишься?! Бабы хоть были у тебя?

– Никак не скалюсь, сэр, – мгновенно отреагировал Джонни. – Бабы были, сэр!

По счастью, сержант не стал отвлекаться и продолжил рассказ, поминутно снабжая его характерными жестами и прорвой смачных подробностей.

«Пронесло», – с облегчением подумал Джонни: он не хотел нарушать субординацию, да и не мог быть конкурентом опытному командиру. В свой актив он мог записать только двадцатидвухлетнюю знойную красотку Дороти, не устоявшую перед статью бравого мотоциклиста. Ну, или это Джонни не устоял перед напором настырной соседки, в объятиях которой, по слухам, перебивало немало его земляков.

А вот с более трепетной Мэри у них так толком ничего не вышло: юношеская привязанность почему-то так и не переросла в страсть и остановилась на полпути. Без клятвы верности друг другу не обошлось, но, немного познавший вкус жизни – спасибо Дороти! – Джонни иллюзий насчет Мэри уже не питал. А вскоре стало совсем не до того: он отправился покорять большой мир.

На заветы родителей он, разумеется, наплевал и первым делом попытался стать летчиком. После войны обязательный призыв отменили, и в штабе к желанию юного Милтона служить отнеслись вполне доброжелательно. Однако с самолетами не задалось. Джонни прошел несколько испытаний, но в итоге прозвучал безжалостный вердикт – в авиацию не годен. А какие на то причины – большой ли наплыв мальчишек, стремящихся в небо, или что-то иное – никто не разъяснил. Армия – это вам не банк, там расшаркиваться не принято. Потом Джонни попытался попасть в королевский парашютный полк – элитное подразделение армии Его Величества, – но вновь потерпел неудачу. Так он очутился в рядах простой пехоты, с заверением армейского начальства о переводе в полк в будущем.

– Сэр, а мы вернемся к завтраку? – спросил рядовой Диксон.

– Ладно, завтрак. Чем брюхо набить, всегда найдем. Вот если бы дали отлежаться денек. С ночи ж пилим, считай, не дрыхли, – размечтался рядовой Флорес.

– Хорошо б захрапеть на весь день, – в тон им протянул сержант, но тут же опомнился, одернул себя за недопустимый гуманизм и снова рявкнул. – Командиру виднее! Прикажет – будете на брюхе весь день шнырять туда-сюда по этой гребаной пустыне, как долбанные буйволы.

Так-то он славный мужик, сержант Холл. Воевал уже лет пятнадцать, а может, и дольше: был на Великой войне, видел разные континенты. Везде поднимал оружие во славу Его Величества короля Георга, а наград заработал больше, чем ранений. Настоящему сержанту положено рвать глотку на рядовых, и Холл строго соблюдал эту традицию.

Гриффин, как обычно, даже не подумал объехать внушительную кочку с чахлой травой, и машину вновь здорово трянуло. Джонни посмотрел в сторону кабины – с той стороны как раз занималась полоска восхода.

В пехотной службе не оказалось ни капли экзотического, но в самом месте экзотику можно было хлебать через край. После «учебки» Джонни вместе с корпусом занесло аж в Восточную Африку – в одну из тех небольших стран, названия которых он никогда не знал и ничего не потерял бы, оставаясь в неведении и дальше. Но судьба и военное командование распорядились по-своему. Теперь в составе британского контингента Джонни с винтовкой в руках утверждал владычество Короны над ее колониальными уделами. Надо сказать, эти места были богаты полезными ископаемыми, потому и военного контингента тут хватало.

Вблизи все вообще выглядело не так, как учили в школе. Насаждать британское господство Джонни порой не хотелось. Он никогда не считал себя домашним ребенком, всегда был в меру драчливым и хулиганистым. Но выяснилось: казармы, муштра и вынужденное пребывание среди десятков соотечественников совсем не вдохновляли молодого солдата. Странно: тяготясь в стенах родительского дома, он при первой же возможности сбегал на волю, зато сейчас все чаще вспоминал о том, что когда-то (как это было давно!) у него была собственная комната, а душ не приходилось делить с целой толпой.

Может, останься Джонни на родине, он бы по-прежнему романтизировал армию. Но пришлось служить в очень уж в необычном месте. Британское правительство контролировало только часть страны, где племенные вожди и вождишки с различными верованиями постоянно сражались между собой, а заодно и с проклятыми англичанами. Эти войны были мелкими, ограничиваясь только местными стычками. А вот поблизости находилась еще одна колония, где во славу короля Георга с аборигенами воевали уже серьезнее, с авиацией и тяжелой техникой. По соседству был французский протекторат. Рядом – португальский. И там тоже хватало проблем, своих непокорных вождей и сепаратистов. Вдобавок, в стране процветала контрабанда; через границу в обе стороны шастали шпионы – в поисках информации, старатели – в поисках алмазов, бандиты – в поисках наживы, и просто разнообразные авантюристы, которые были и шпионами, и старателями, и бандитами. В течение года Джонни во всем этом немного разобрался, и энтузиазм от службы заметно угас. Точно сон вспоминал он, как еще недавно мчался на «Драконе» и на скорости сорок миль в час вставал во весь рост на сиденье, а окрестные девчонки, разинув рот, с обожанием смотрели на смелого седока. И все в жизни казалось простым и незамысловатым.

Джонни резко бросило к заднему борту – машина затормозила: этому, мать его, Гриффину следовало поучиться водить. Последовала резкая команда. Солдаты прыгнули за борт, ощутив под ногами песок, покрывавший эту страну, уголь и хлопок которой были так необходимы Британской империи.

– Залечь, оружие приготовить, – скомандовал лейтенант Андерсон.

Джонни в две секунды размял затекшие конечности и упал на землю, рядом с товарищами, выставив перед собой винтовочный ствол.

– Рассредоточиться, а то разлеглись всей кучей, как крокодилы на пляже, мать вашу, – шепотом прокряхтел сержант, и, подавая пример, завалился на пузо неподалеку.

Лейтенант покосился на них, но промолчал. Он вообще новичок в полку, недавний выпускник военной академии. Честно говоря, особым авторитетом среди солдат пока не пользовался: это тебе не призывниками командовать. Но, может, у него все еще наладится.

Помимо вчерашнего школьника Джонни во взводе хватало солдат с жизненным или военным опытом. Впрочем, он не чувствовал пренебрежения к себе. Слишком часто им приходилось воевать по-настоящему, и товарищество здесь ценилось. Это Джонни уяснил достаточно быстро. Они же не только просиживали штаны на базе, несколько раз приходилось усмирять местное население, довелось и пострелять. Безусловно, Британская корона – величайшая на

земном шаре, и все что они делали – правильно, но Джонни почему-то искренне рассчитывал, что он ни в кого не попал.

Андерсон следом за ними опустился на африканскую землю, достав пистолет из кобуры, и устремил взор вперед. Где-то в двухстах ярдах в разгорающемся рассвете виднелся джип такого же песочного цвета. Один человек за рулем, трое рядом. Это и было поручение, ради выполнения которого солдаты снялись в ранний час со спокойной территории базы во враждебную степь. Суть задания никто из лежащих тут, естественно, не знал: когда это его доносили до простых рядовых? Хотя и лейтенанту Андерсону навряд ли известно что-то большее – кроме того, что он должен следовать за джипом, прикрывая его при случае.

В джипе расположились капитан с эмблемами инженерного полка и трое рядовых: никого из них солдатам не представляли, а Андерсон перед выездом перекинулся с ними лишь парой слов. Джонни служил уже не первый день и догадывался, что капитан в джипе, может стать, совсем не капитан и уж точно никакой не инженер. Смотрелся он куда солиднее Андерсона с его пробивающимися редкими усиками, а подчинённые капитана казались хваткими ребятами, которым винтовка, несомненно, привычнее циркуля.

На базе Джонни уже встречал подозрительных связистов; медиков, к которым отроду не ходили больные; летчиков без самолетов. Да и их миссия не была чем-то из ряда вон выходящим. Обстановка на границе крайне беспокойна: разведка, должно быть, трудилась не покладая рук.

Джонни прижался щекой к прикладу. Сейчас еще прохладно – ночи в Африке довольно холодные, а вот валяйся они здесь днем, глаза заливал бы едкий пот, и все мысли были бы исключительно о том, как оказаться на морозе, поближе к айсбергам и белым медведям.

Предутренние африканские просторы полны не тишиной, а самыми разными звуками: скрежетали какие-то ночные птицы, что-то шелестело, откуда-то раздавалось уханье или свист, иногда рычание, одни жители саванны просыпались, а другие торопились убраться восвояси. Непривычный человек мог бы и в штаны наделать, но мы-то уже ребята привычные.

Джип впереди погасил фары, поэтому можно было только догадываться: он где-то там. Оставалось ждать. Нормальное занятие для любого солдата.

Мысли невольно перескочили на дом, такой далекий и желанный. Он остался где-то совсем далеко. Письма приходили сюда, на край света, или точнее – в круг ада, с большим запозданием. В мире бушевал небывалый кризис, разорялись компании, миллионы людей теряли работу – но здесь, в чахлой саванне не менялось абсолютно ничего.

Отец скупно писал: многих рабочих пришлось уволить, но мастерская как-то держится. Мать больше спрашивала, как там Джонни, иногда чернила на письме расплывались пятнами. Джонни вспоминал мамины слезы на вокзале и сердце сжималось тревогой. Младший брат поступил в свой несчастный университет, прилежно учит языки – может, хоть из него толк выйдет. О старшем вестей почти нет, вроде он играл на бирже. Ну и...

Сержант пшикнул неразборчивое, но Джонни и сам увидел: на том месте, где должен был стоять джип, загорелся яркий синий огонек (фонарик, что же еще!), и с какой-то системой часто-часто замигал, прерываясь иногда на пару секунд. Длилось это зрелище недолго. Затем джип снова включил фары и темный силуэт двинулся куда-то вглубь.

– Все в порядке, – лейтенант поднялся, стряхивая песок с колен и убирая пистолет в кобуру.

– Ну и слава Господу, – сержант тоже встал. – Кажись, сигнал правильный, разведка двинула на свою секретную встречу, видать, заберет чего, или кого... Ладно обошлось, по уму надо бы нам пулемет выделить, а то много навоюешь с винтовочкой. Штабные, что с них взять, мозгов как у макак!

Андерсон неодобрительно посмотрел на не в меру разговорившегося подчиненного и достал из кармана сигареты.

Сержант, еще поглядел во тьму, отвернулся, чуть замялся, но потянулся к пачке.

– Угостите хорошим табачком, сэр.

Солдаты тоже вытащили папиросы, зачиркали спичками. Потом, как люди опытные, тщательно затоптали их сапогами: здесь же не только песок, но и жухлой травы полно.

И тут неожиданно раздались резкие звуки. Бах-ба-бах, а потом еще раз, пара секунд тишины – и снова. Бах-бах. Выстрелы!

Военные стряхнули накотившее оцепенение, но осознание, что все рушится, еще не пришло. Андерсон дрожащими пальцами пытался нащупать застежки кобуры и достать пистолет. Сначала он рванул вперед, сделав сразу шагов десять, а потом так же внезапно встал как вкопанный.

Солдаты привычно взяли винтовки на изготовку и выжидательно смотрели на командиров.

– За машину, укрыться, – быстро скомандовал сержант, – Гриффин, за дверь.

Сам сержант тоже кинулся было в сторону Андерсона, но остановился, быстро вертя головой, направо-налево, налево-направо. Джонни даже на секунду почудилось, будто сержант растерялся. Но сержант Холл не тот человек!

У джипа, судя по всполохам, шла хаотичная стрельба. Оставалось только догадываться, что стало с псевдо-инженером: наверняка, это он пошел навстречу.

– Огонь! – скомандовал Андерсон и винтовки солдат отозвались нестройным залпом. – Своих заднем! – тут же опомнился командир.

Впереди забегали огоньки: джип тронулся с места. Но сразу же фары остановились, и Джонни показалось – сидящие в машине даже не огрызаются огнем. Дела совсем плохи!

– Им не помочь! – заорал Холл. – В машину, Андерсон! В машину, мать твою, уносим задницы!

Не дожидаясь команды, Гриффин стремглав вскочил на подножку и бросился в кабину, но тут случилось страшное. Раздался громкий треск, дверь словно прошило током, боковое стекло лопнуло, сдавленный вскрик – и ноги Гриффина безжизненно свесились с сиденья.

Сержант лихорадочно стрелял – выстрел раздался вовсе не с той стороны, где шел основной бой; беспорядочно опустошал магазин Андерсон; солдаты тоже разрядили винтовки. Последовали крики, полные боли, на языке, который не разобрать. Но по ним больше не палили, атака прекратилась. Правда, перемещения темных пятен впереди говорили – приближаются новые гости. Первое ошеломление прошло – в конце концов, они не зеленые юнцы. Джонни был готов защищать свою жизнь, включились вбитые на многочисленных тренировках рефлексy.

– Надо убираться! – орал сержант. В этот момент командиры переглянулись, и по взглядам Джонни понял – а кто сядет за руль? Кто, вашу мать?! Возможно, Андерсон худо-бедно умел водить легковой автомобиль, но с грузовиком все гораздо сложнее.

Он не сразу понял, что слышит свой звенящий от напряжения голос:

– Я за руль, сэр.

Джонни забросил винтовку в кузов – на кой она теперь нужна; распахнул продырявленную дверь, одним мощным рывком схватил обвисшее тело водителя за руку и за ремень, и – откуда столько сил! – сбросил его на землю. Прости, Гриффин.

Джонни уже на сиденье. Две секунды, не больше – понять, что к чему. Руль, педали, длинный рычаг переключения передач... Дома он целых два раза ездил за рулем грузовика – за запчастями: их оказалось так много, что отцу пришлось добывать большой автомобиль. Слава Господу, они не заглушили мотор.

Силуэты, которые были впереди, уже совсем рядом. Что это там такое – неужели огни приближающейся машины? Совсем плохо. Опять стреляют! И тут же заорал Андерсон. Сол-

даты попрыгали в кузов. Холл, страшно сквернословя, зашвырнул следом, как куль с мукой, лейтенанта.

– Трогай!!! – истошно вопил сержант.

Грузовик, как назло, развернут носом к нападавшим. Разумеется, Гриффин, не подумал, что придется лихорадочно удирать. Джонни перекинул рычаг передач. Машина тронулась с места крайне медленно – это вам не мотоцикл. Пригнувшись, Джонни выворачивал руль. Силуэты уже совсем близко. По кузову застучали пули. А если сейчас скосит кого-то из ребят?! Где же сержант?! Вот и он. Холл на ходу рванул дверь и вскочил на подножку, забрасывая себя в кабину.

– Гони!!!

Машина потихоньку ускорилась, все увереннее набирая обороты, передачи переключались отчаянными рывками, ноги инстинктивно давили на педали, а руки как влитые вертели руль.

– Едут за нами! – Холл приоткрыл дверь и, высунувшись назад, орал, – Стреляют, обезьяны косорукие! А я в них – никак!

– Знаю.

Джонни на всякий случай вел машину зигзагами, пассажиров в кузове должно нещадно трясти, самого его подбрасывало чуть ли не до потолка, но никакая сила не могла заставить его снять ногу с педали. Главное – хотя бы верно держать направление (шоссе-то в пустыне не проложено) и не зарулить к врагу. Он уже не понимал, стреляют ли им в след. Гнать во весь опор, а там разберемся.

И они оторвались. А может, погоня не захотела углубляться на подконтрольную британской короне территорию, где сама могла легко нарваться на неприятности. Чуть позже они перевели дух, кое-как перевязали стонущего Андерсона, раненного в плечо, сориентировались и уже спокойно катили на базу.

– Вот тебе и хваленая разведка, – разгоряченный Холл болтал без умолку, одну за другой куря свои вонючие сигареты.

– Кто это, сержант?

– А это одним гиенам ведомо. Шпионы какие или контрабандисты. Криворукие бегемоты, даже засаду нормальную не поставили. А штабные-то каковы, павиана им в зад! Дураки, понадеялись на своего агента. Сдал наших с потрохами. Никогда я не любил, Милтон, этих шпииков, разведка, мать их, шакалы. То ли дело мы с тобой, справные солдаты. А где ты так водить научился? Когда палить начали, думал уже все, отвоевался и даже исповедаться не успел. Ан нет... глядишь, поживем еще. Ладно-то как у тебя выходит – и ручку эту дергать, и колесо это дурацкое крутить.

### Глава 3. Западная Англия. Окрестности графства Вустершир. 1933 год.

Джонни с наслаждением затянулся сигаретой, прикончил ее в несколько затяжек, щелчком запустил окурочок подальше и натянул на лоб широкие очки. Скоро его очередь. Там уже не до курева. Он не чувствовал волнения, только азарт. Джонни никогда не бывал на охоте – это аристократическое занятие в их рабочем городке сроду не практиковали, но почему-то полагал: бывалый охотник в ожидании дичи, что вот-вот выскочит под выстрел, ощущает нечто подобное.

Его сверкающий лаком, приземистый и аккуратный, но не очень мощный автомобиль призывно урчал мотором. Ему тоже, должно быть, не терпелось рвануть с места. Погоди чуток. Скоро нас вызовут. Джонни без особого интереса наблюдал за попытками соперников и даже не прислушивался к выкрикам хронометристов. Надо просто оказаться лучшим. И все.

Он участвовал в новомодной автомобильной забаве – подъёму на холм. Кто быстрее поднимется, тот и победил. Все просто. Первое время он выступал в таких соревнованиях на своих любимых мотоциклах, но после того, как вылетел из седла и чуть не свернул шею, мать заставила поклясться: он больше ни под каким видом не подойдет к мотоциклу. А если так уж хочется укротить холм, то пусть поменяет транспорт. Машины казались ей чуть более безопасными. Хотя Джонни не сильно возражал. Не то чтобы он боялся, но на двух колесах проще получить травму и убить время на лечение, пропустив гонки. А время – деньги.

Пора. Судья дает отмашку. Джонни упал на сиденье и повел машину к линии старта. В первой попытке он оказался лучшим, но кто-то из соперников наверняка уже превзошел его время. Опозориться – нельзя.

Сигнал! Машина взревела и стала проворно подниматься по гравию. Длина трассы всего тысяча ярдов, так что подъем занимал немногим более минуты. Но на этой короткой дистанции никак нельзя ошибиться, секундой позже переключил передачу – и все, плакали денежки.

Крутая трасса петляет, взмывая на вершину холма, перепад высот – более ста ярдов. А еще очень узко: только выехал за укатанную зону, как мгновенно теряется сцепление. Хорошо, если удержишь машину. Не каждый и взберется: кому не хватает мощности мотора, кому попросту опыта.

Джонни прекрасно знал трассу, а руки сами выполняли точные движения рулем. Вправо-влево. Мотор натужно надрывался. Передачи вверх, передачи вниз. Потерпи, машинка, немного. Все. Финиш. Взобрались. Взмыленный Джонни проехал мимо хронометриста и направился к спуску. Там и узнаем результат, как раз все подсчитают.

Выбравшись из автомобиля, он помахал в ответ зрителям. Простодушные британские обыватели задорно улюлюкали и свистели, многие попивали пиво или эль – самое то для теплой погоды.

Так, где же они? Джонни прищурился, высматривая маму и Нору. Как ни уговаривал мать не ехать, она все равно увязалась следом, ничего не поделаешь. Хотя втайне Джонни радовался: у мамы в кои-то веки появился повод гордиться непутевым чадом, которое и школу-то окончило ни шатко, ни валко, никуда потом себя не приспособило, да еще все норвило вляпаться в приключения.

Вдоволь навоевавшись с не сделавшими ему лично ничего плохого аборигенами в засушливых саваннах и жужжащих от комаров болотах, Джонни вернулся для поправки здоровья на родину: подлечить небольшую контузию, после которой одно ухо слышало не очень хорошо.

А в это время в мире, стране и армии стало крайне неспокойно. Хотя жизнь после Великой депрессии немного налаживалась, стабильности не ощущалось и близко. Поэтому никто

не стал настаивать, и капрал Милтон, отслужив без малого четыре года, вчистую демобилизовался и оказался свободен как ветер.

Фирма отца, в отличие от многих, устояла на ногах, хотя и вышла из всех передряг сильно потрепанной. Малышка Мэри уехала покорять Новый Свет, да так и пропала. Ни одной весточки от нее за эти годы. Младший брат Пол как-то учился в своем университете, хватаясь ночами за любую подработку – иначе в Лондоне не выжить. А вот старший... Мартин заигрался на бирже и в какой-то момент, промотав все, пустил себе пулю в лоб.

Первый месяц по возвращении Джонни провел в алкогольном тумане, оплакивая брата и отходя от ужасов гарнизонной жизни, а потом задумался, как жить дальше. Долго выбором он не мучился: любовь к скорости никуда не исчезла. Отец махнул рукой и купил ему машину: пусть сын развлекается как угодно, лишь бы не мешался под ногами. А в этом году дела в фирме пошли лучше, и папа даже начал помогать – и запчастями, и механиками. В конце концов, выигрывая, Джонни получал призовые, пусть и небольшие, но все же достаточные, чтобы не слыть нахлебником – поначалу чопорные соседи уже бросали на него неодобрительные взгляды.

Первым делом после гонки Джонни обнял маму, отметив, как блестят от недавних слез ее голубые глаза. Все, все, мама, я живой! Подумаешь, какой-то паршивый холм. А еще она сильно постарела за годы разлуки с Джонни – если раньше в каштановых волосах не было ни сединки, то теперь вон сколько белых прядок.

Объятия с Норой получились более жаркими и продолжительными. С яркой и задорной брюнеткой с потрясающе стройной талией и округлым бюстом Джонни познакомился на соревнованиях близ Лондона. Нора готовилась на медсестру, но бросила учебу из-за недостатка средств и теперь с удовольствием колесила с Джонни по всей Британии.

– Я первый! – немного по-мальчишески похвастался Джонни.

– Обязательно в ресторан, закажем шампанское, – томно протянула Нора, положив голову на плечо Джонни. – Какой же ты молодец!

– Заслуга невелика, – он махнул рукой с затаенной гордостью, – Жаль, отец не смог приехать. Хоть бы раз посмотрел, как я выигрываю.

– Ты же знаешь, на фирме дел невпроворот, столько заказов, – сказала мама. – Он к ужину и то не всегда поспевает.

– Передай ему – вредно так много работать, – рассмеялся Джонни. – Пусть берет пример с сына: взлетел на холм и положил пачку фунтов в карман.

– Не мели чушь. Отец много трудится, чтобы мы ни в чем не нуждались и были счастливы. И даже с гонками твоими смирился, будь они не ладны.

– Я знаю. И тоже считаю: не одному отцу обеспечивать семью, – Джонни продолжил уже серьезнее. – Я на этот холм с закрытыми глазами могу заехать. Надо переходить в следующий класс, там и машины мощнее, и холмы покруче, и соперники неуступчивые. Хватит ерундой заниматься.

– Вечно тебе надо куда-то бежать, – возмутилась мама. – Я как посмотрю на тебя, сердце замирает. Тут один прямо перевернулся и лежит, не встает, я чуть не зарыдала. А толпа шумит себе...

– Вы же видите – это не пустая забава. Я о вас думаю прежде всего: новый класс – совсем другие деньги. Отец обещал установить мне более мощный мотор. Думаю, тогда я не потеряюсь. Это иной уровень!

– Ты – да потеряешься?! – Нора восхищенно смотрела на Джонни.

– Так и это не предел. Велика ли отвага – взбираться на холм: два часа ждешь – минуту поднимаешься, по большому счету – детская забава.

– А что не забава? – прикусила алую губку Нора.

– Гонки. Представь, ты одновременно с толпой соперников мчишься по трассе, обгоняешь, сражаешься. Конечно, потребуется серьезная машина. Правда, сейчас за самый высший класс толком не гоняют. Депрессия, чтоб ее, ни у кого нет денег. Но есть куча мелких соревнований.

– Ага, там-то наверняка убьешься... сражаться он с кем-то собрался, – мама не успокаивалась. – Мало я слез ночами проливала.

– Разберемся. Пойдемте праздновать.

Джонни обнял двух самых близких женщин. Его переполняли эмоции, и он чувствовал себя как в юности, когда упивался скоростью и встречным ветром. Словно не было внезапных побудок до зари, будто он не шлепал по груди в вонючей речной воде с поднятой вверх винтовкой, точно он никогда не бежал в растянутой цепочке солдат по каменистой саванне, преследуя кого-то под аккомпанемент бешеного собачьего лая.

– Знаете где лучшие соревнования по автогонкам? – спросил Джонни. – На континенте, в Италии. Там самые быстрые гонщики.

– Еще чего! Все наши семьи испокон веков жили, где родились. В столицу-то не все за жизнь выбирались. В кого, вот в кого ты такой неугомонный?!

## Глава 4. Италия, пригород Болоньи. Апрель 1934 года.

В его родной Англии в это время небо обычно затянуто низкими серыми тучами, и моросит противный, мелкий, холодный дождь. А здесь – превосходное начало апреля: небо ясное и синее, солнце поднимается все выше и согревает собравшихся внизу людей.

Но погодную идиллию омрачало настроение: в душе бушевала гроза, грохотал гром и вспыхивали молнии. Джонни смолит одну сигарету за другой, от чего во рту уже был противный привкус сушеной травы. Он старался реже смотреть в сторону копошащегося Чарли, но тот, чувствуя беззвучные мольбы, все равно порой отрывался от работы и только пожимал плечами. Проблема серьезнее некуда: машина сломалась и упорно не желает заводиться, а до старта гонки, между тем, оставалось всего нескольких часов. Это провал.

– Я поменял топливный насос, мистер Милтон, но без толку, – Чарли в который раз пожал плечами. – Надо перебирать мотор. Боюсь, времени не хватит. Даже если я каким-то чудом заведу ее, двигатель может отказать на первой же кочке.

Тьфу ты! А ведь все так удачно начиналось: Джонни хорошо знал эту трассу, а большинство заявленных участников не считались опытными пилотами. Конечно, это не самое престижное соревнование. Сейчас лишь начало гоночного сезона, многие гонщики и машины еще не готовы. Фавориты нежатся на Лазурном берегу, не торопясь возвращаться за руль. Но все это неважно! Он-то здесь, и мог бы побороться – если не за первое место, то хотя бы за призовые. Как обидно все рушится!

Прошлым летом Джонни, естественно, не устоял перед соблазном и рванул покорять Европу. Как д'Артаньян – Париж, прихватив с собой вместо рыжего коня – автомобиль, да еще и отцовского механика Чарли в придачу, а вместо пятнадцати экю – скопленные призовые и занятые под честное слово у приятелей деньги. Просить у родителей он постеснялся.

За несколько месяцев Джонни вдоволь поколесил по Европе, утомился от калейдоскопа старинных городов и городишек, где почти ничего не запомнил, пожил в уйме плохих и очень плохих отелей, а самое главное – поучаствовал в разнообразных соревнованиях: престижных и не особо, горных и шоссейных гонках, многочасовых марафонах и коротких заездах, кольцевых этапах и ралли. Нельзя сказать, что он сильно блистал, но порой удавалось недурно выступить. Да и не нужно забывать – его автомобиль не самый новый и не самый мощный.

Джонни удачно завершил сезон и промозглым ноябрем вернулся домой, к английским туманам. Он отметил Рождество и провел неожиданно спокойно несколько месяцев, купаясь в материнской заботе и стараясь не встречаться с кредиторами (надо потерпеть еще чуть-чуть, ребята, путешествовать по Европе выходит ой как накладно).

– В хорошую бы мастерскую, докатить на руках, а там и вышло б чего, – почесал в затылке Чарли, – или взять автомобиль в аренду, может, деньги кому нужны?

Может, и нужны. Нам, например. Джонни швырнул на обочину недокуренную сигарету и пошел прочь от машины. Глаза б ее не видели! Предательница.

– Ты куда, дорогой? – дернулась было Симона.

Красавица Дороти осталась в прошлом. В Милане он познакомился с буфетчицей Симонией (Джонни обожал кофе), очень милой, простодушной и доброй девушкой. Она покорила своей непосредственностью британца, немало стеснявшегося в новой для него стране.

Джонни промолчал, и Симона не стала допытывать его. Она прекрасно уяснила: когда дела в гонках идут плохо, добродушного в любое другое время англичанина лучше не злить.

Хорошая мастерская на трассе, конечно, имеется, и механики там не чета Чарли. Только кто туда пустит? Это вотчина итальянских команд, представителей целых автомобильных концернов. Правда, из серьезных соперников сюда приехали только Монетти, а все остальные –

кустары и частники, как и он сам. Поэтому-то Джонни и рассчитывал не затеряться на дистанции, а то и зацепить кого-то из лидеров. Ключевое – рассчитывал.

Он бездумно шел вдоль трассы, где в беспорядке стояли машины участников: новые и потрепанные жизнью, огромные монстры с необъятным капотом и более обтекаемые современные модели, блестящие от лака и тусклые, мощные и не очень. Тут же беспорядочно сновали беззаботные зеваки, шустрые журналисты, кричащие дети, блохастые животные, бдительные судьи, ленивые полицейские, а еще красивые девушки с томными взглядами и букмекеры с подозрительно бегающими глазками. Стандартные гоночные будни. Только вот на этом празднике скорости он, получается, чужой?!

– Слышал, Кавалло руку повредил. Вздумал полихачить и упал с мотоцикла по дороге на трассу.

– И как он будет выступать? Может, левую?

– Да какая разница. Это Санети наплевать, а вот Кавалло...

Слух Джонни (ухо уже восстановилось) выхватил из толпы разговор двух суетливых господ, по виду корреспондентов. Ноги сами, машинально понесли его в стан Монетти.

Найти их не составило труда, надо только ориентироваться на самое большое скопление людей. Хорошо, никаких ограждений нет и в помине. Гонщик мог блуждать, где ему вздумается – да и зритель, при желании тоже. В Италии обожали автогонки, и толпы прохожих в беспорядке гуляли повсюду. От машин их, конечно, отгоняли, но и только.

Джонни знал, кто ему нужен. Мистер Монетти. Молодой мужчина тридцати с небольшим лет, невысокого роста, с ранней лысиной, в строгом костюме. Он, гордо выпрямив спину, стоял посреди всеобщей суеты и отдавал команды механикам. Джонни знал: Монетти никогда не повышает голос, говорит очень тихо и четко, держит своих экспрессивных южан в ежовых рукавицах так, что они в благоговейном трепете внимают ему, боясь пропустить хоть слово или тем более возразить.

Джонни окинул стан итальянцев тренированным взглядом: в той долбаной пустыне ой как много значило, сумеешь ли ты быстро выделить нужное, например, затаившегося аборигена с ружьем, или отличить человека от зверя. Вот оно что! Лучший из присутствующих представителей Монетти – Джино Кавалло сидел в одиночестве на металлическом ограждении, безучастно смотрел куда-то вдаль и баюкал руку на перевязи. Ну, а для того, чтобы вести машину, необходимы обе.

Довольный увиденным, Джонни смиренно дождался, когда большой человек освободится, и решительным шагом ринулся вперед. На последних ярдах мозг пронзила паническая мысль – это же сам ужасный Марио Монетти! Но уже поздно.

– Синьор Монетти, меня зовут Джон Милтон, я гонщик, но, к сожалению, моя машина сломалась. Может, вы слышали обо мне, я победил в...

– Меня это не интересует, мистер... хм... Милтон, – Джонни показалось, что глаза все-таки Марио сверкнули, но, конечно, за темными стеклами очков, которые в любую погоду носил итальянец, этого никак не разглядеть. – Вы отвлекаете меня. У вас тридцать секунд.

– Мне хватит и меньше: разрешите мне участвовать в гонке на одной из ваших машин, – выпалил Джонни. – У меня большой опыт выступлений, я не подведу.

– Молодой человек, на старте двенадцать машин нашей марки, от новых до устаревших моделей, – в голосе Монетти слышалось раздражение. – Любой желающий может приобрести автомобиль либо взять в аренду. За вполне умеренную, но достойную плату, поскольку мы делаем лучшие гоночные автомобили в мире. В мире! Слышите меня?! Но за два часа до старта у меня нет лишней машины, опытный ездок – должен это знать, – губы Монетти презрительно скривились. – Прошу извинить. Много дел.

– Погодите, – быстро заговорил Джонни, зажмурившись от собственной наглости, – у вас же есть машина. Мистер... сеньор Кавалло повредил руку, отдайте мне его автомобиль. Он все равно свободен. Где вы сейчас найдете гонщика?! Я смогу. Я очень хорошо знаю трассу.

– Умом тронулись? – Монетти даже, кажется, развеселился. И сделал шаг в сторону.

– Вы же ничего не теряете, – Джонни преградил дорогу всемогущему патрону. – Если я разобью машину, то верну вам деньги.

Интересно, откуда ты их возьмешь, Джонни?! Ограбишь банк? Но утопающий цепляется даже за самую гиблую дощечку.

– Я просто откажу вам и останусь при своем. Все. Вы мне надоели. Я уважаю настырность, но не перегибайте.

– Мы поделим призовые пополам! – почти выкрикнул Джонни. Оказывается, вот как работает мысль в критической ситуации.

– Слишком мало, – поморщился Марио.

– Вы уже торгуетесь, сэр... эээ... синьор?

– Все равно не победишь. Разобьешь машину и опозоришь Монетти. Наш бессмысленный разговор окончен.

– Я заявлен на старт как частный пилот. Если вдруг я выиграю, вы сможете сказать: Джон Милтон представлял Монетти. И слава достанется вам. А если проиграю – что ж, еще один неудачник потерпел неудачу на арендованной машине, никто не удивится.

– Как твоя фамилия? Милтон? Не ты ли недавно пришел вторым в гонке на Тоскане? Смелый маневр, хотя и безрассудный.

Джонни был просто поражен: могущественный человек знает его? Видел его выступления? Запомнил?!

– Чтобы возглавлять лучшую гоночную команду, нужно следить за всеми серьезными соревнованиями, – многозначительно произнес Монетти. – Подбери челюсть, ты же гонщик, а не балбес на трибуне. Повредишь машину – вернешь деньги. Семьдесят пять процентов призовых мои. Еще спорить будешь?! Так-то лучше. Вот времена настали, а? За считанные часы до старта – даешь автомобиль неведомо кому.

Джонни не успевал следить за мыслью своего благодетеля. По спине полз ручеек пота. Д'Артаньян проявил напор и получил плащ мушкетера. Только этим плащом еще надо правильно воспользоваться, не то окажешься калифом на час.

Повинуясь указаниям Марио, к ним подбежал пилот из его команды – Рене Перон, родом из Франции, известный победитель гонок еще в двадцатые. Ну, и день знакомств сегодня выдался!

– Рене, возьми машину Кавалло, она самая быстрая, а свой автомобиль отдашь вот ему. Это наш гонщик на сегодняшний день. Джимми... Джонни. В общем, пусть освоится. Ровно за час до старта жду на брифинг.

Пока Джонни следовал за Пероном, в сознание, вытесняя восторг, все больше заползала тревога. Он оказался в положении отчаянного игрока, поставившего все на красную единичку. Что будет, если он проиграет?

В годы Депрессии толкового регламента гоночных машин не существовало, и каждый ездил на чем хотел. Сейчас правила все больше ужесточали: регламентировался и вес, и мощность машины, и объём двигателя. Что ж, даст бог, обойдется без сюрпризов. В конце концов, это такая же гоночная машина, с рулем и четырьмя колесами.

Но до чего же здорово воспарить из гоночной пропасти, куда он чуть не сверзился, и оказаться на самом Олимпе! Ладно, пусть не самом, но где-то совсем рядом. Дело за малым – всего-то оказаться в пятичасовой гонке быстрее двадцати смельчаков, по меньшей мере половина из которых сделает все, чтобы поставить на место выскочку, который неожиданно пролез в команду мечты.

*Итальянский спортивный ежедневник. Статья на второй полосе под заголовком «Невероятный дебют».*

*Десятки тысяч зрителей, собравшиеся на приземистых холмах Болоньи, поначалу приуныли, разочарованные тем, что в гонке не будет участвовать всеми обожаемый Франко Санети. Когда еще и Кавалло попал в нелепую аварию перед самым стартом, любители гонок и вовсе впали в отчаянье. Но, думается, зрелище, что открылось их взору, не разочаровало даже самых искушенных наблюдателей. Вновь Монетти удивил крайне рискованным шагом – доверив место в команде малоизвестному британцу Джонни Милтону – гонщику-частнику, который неплохо зарекомендовал себя ранее. И невероятная по накалу борьбы гонка подтвердила правильность решения славящегося своей интуицией Марио Монетти.*

*Потрясающе быстрые алые ракеты под управлением Перона и Таллорези с самого старта захватили лидерство в гонке, растолкав медлительные французские автомобили. Милтон поначалу держался в тени именитых напарников, но в итоге англичанин сумел сбросить резину и за несколько кругов до финиша совершил рискованный обгон Таллорези, в то время как лидировавший Перон допустил ошибку и повредил своего алого скакуна. Несмотря на победу британского гонщика, этот этап стал очередным безусловным доказательством превосходства итальянской промышленности, и очередным подтверждением невероятной скорости и надежности выпускаемой продукции.*

## Глава 5. Швейцария. Близ кантона Аргау. Август 1934 года.

Марко, механик лучшей итальянской команды Монетти, постарался принять самую удобную позу – оперся спиной на высокий ящик с инструментами и уложил ноги на ящик поменьше. Гонка длинная, веки порой наливались тяжестью, клонило ко сну. Но Марко – настоящий профессионал. Он никогда не позволял себе вздремнуть во время состязания. Ну, разве что самую малость. Вот балбес Луиджи однажды так захрапел – еле добудились, когда срочно потребовался. А потом увалень еще и кое-чего напутал спросонья.

Уж лучше потерпеть. Ведь мы работаем в замечательной корпорации «Примо Андреа». Она создает самые быстрые автомобили в мире. От одного ее названия сердце каждого итальянца бьется чаще.

Вместо того чтобы считать мух, Марко внимательно оглядел гараж команды. Надо всегда быть начеку, и тогда однажды он станет помощником главного техника, как Лукка. Обычные механики лежали вповалку на полу, а кто-то даже беззаботно дрых. Дылда Луиджи грыз сухую фокаччу. Марко сглотнул слюну – у него в рюкзаке тоже лежал обед, приготовленный кухаркой команды Сарой, которая ему благоволила. Но объедаться в такой ответственный момент? Это ниже его достоинства.

Лукка – как и положено начальнику, пусть и небольшому – восседал на высоком ящике, тревожно глядя в сторону трассы. Самые же важные люди в команде, синьор Монетти и его помощник Серджио, стояли у самой кромки дороги и внимательно, с биноклем в руках, следили за гонкой. Но опытный Марко знал: спокойствие мнимо. В любой момент последует сигнал – гонщик залетит в гаражный переулок, и надо будет мчаться со всех ног: менять пышущие жаром колеса, заливать вонючий бензин или, не приведи Мадонна, пытаться чинить капризную технику.

Пара механиков бдят вместе с начальниками, на каждом круге показывая гонщикам таблички, на которых отмечены место и отрыв от следующего за ними пилота. А еще один записывает результаты прохождения каждого круга.

Пока, постучим же по дереву, все шло превосходно. Пролетал круг за кругом, а лидировал один и тот же автомобиль под управлением Франко Санети – самого прославленного, бесстрашного и превозносимого итальянцами гонщика. Санети, если честно, для механиков – настоящая головная боль: никто не разбил столько красных машин, сколько он. Но ему все прощали – никто не проводил гонки с такой же страстью, как этот великий человек. Вся Италия носила его на руках. Многие односельчане Марко приставали, чтобы он поведал им какие-нибудь байки о гениальном соотечественнике, но Марко многозначительно поднимал глаза к небу и отмалчивался: большой, дескать, секрет.

На почтительном расстоянии от Санети двигался синий автомобильчик французского гонщика Шарля Дюваля. Слава Мадонне, он никак не беспокоил Санети – скорее, его самого терзал «наш англичанин» Джонни Милтон. Сначала британца допускали лишь на незначительные гонки, а потом он незаметно влился в основную обойму пилотов, да там и закрепился.

Марко весьма сдержанно относился к иностранцам в команде: ведь только итальянец может с подлинной отвагой укротить сноровистую, точно молодая кобылка, Монетти. Но Милтон нравился ребятам, он не похож на чопорных меланхолических дылд по ту сторону Ла-Манша, поэтому с его появлением пришлось смириться. Хотя, конечно, сын своего промозглого острова Милтон никогда не радовался победам так, как умеют только они – итальянцы.

На третьем месте, и это очень беспокоило Марко, долгое время катил белоснежный автомобиль фон Дальберга. Но потом Марко с мстительным удовольствием заметил, как немецкий

гонщик, оставляя позади следы черного масла, заехал к своим механикам – да там и остался. Что поделаться, Марко не любил бошей еще больше, чем англичашек. Еще и потому, что немецкие машины крупного автоконцерна «Рамберт», забросив на несколько лет участие в гонках, теперь все чаще выходили на старт.

Дальше следить за порядком пилотов уже сложнее. Перон еще в гонке – хоть и француз, но он так долго выступал за Монетти, что механик с ним свыкся; Кавалло и Таллорези уже покинули дистанцию – один из-за прокола колеса, а второй – когда в него врезался идиот-бельгиец (машину теперь чинить часов десять). При этом более дисциплинированный Таллорези бродил где-то в гараже, а темпераментный Кавалло умчался в гостиницу.

Марко первым заметил сигнал Луиджи и понесся к стартовой прямой, попутно распинывая валявшихся товарищей. Быстрее, быстрее, ленивые задницы! Машина Милтона заезжала в гараж. Неужели поломка, о святая Эуфемия?! Нет, англичанин показывал: надо менять резину, и верно – переднее колесо зияло проплешиной. Еще чуть-чуть – и автомобиль, будто конь, потерявший подкову, остановился бы в лесу, а то и вылетел бы с трассы. А катить его обратно, считая километр за километром, – настоящее проклятье для механиков.

Марко волочет домкрат с огромной ручкой – требуется нешуточная сила, чтоб с первого раза поднять тяжеленный кузов. Луиджи отрывисто командует. Механики остервенело колотят молотками по единственной гайке – иначе колесо не снимешь. В это время машину дозакрашивают топливом при помощи огромной бочки и воронки. В спешке бензин расплескивается по жестяному корпусу. На плечи гонщику не забыли бросить полотенце – пусть и слабая, но защита от смертельной жидкости. Хотя, если полыхнет на совесть, мало не покажется.

Наконец, все четыре колеса валятся в сторону. А где свежая резина?! Уффф, вот она – под рукой. Случалось, и забывали в спешке. Теперь надеть новые колеса. Закрутить как следует. Да, быстрее же, болван! Марко вырывает молоток у недотепы Луиджи и, обливаясь потом, лихорадочно стучит по мерзкой гайке. Ну, давай, гадина, поддавайся!

Синьор Монетти стоит рядом – его взгляд сверлит несчастных механиков через знаменитые очки: каждое мгновение на счету, и всякий знает, как дорого обходятся ошибки! Все члены команды одновременно обожают и ненавидят строгого босса. Монетти жестом показывает – на одном колесе перегрелись тормоза, из припасенного заранее ведра Марко обрушивает на них холодную воду.

Снова невероятное усилие и машина падает с домкрата. Милтон жадно пьет, лихорадочно проливая воду на гоночный комбинезон – лицо покрыто копотью и пылью, а голос звонок и весел:

– На новой резине я обойду Дюваля. Его французский чайник пыхтит как старинный паропровод, а мне как раз не хватало скорости.

– Колесо страдает – ты атакуешь бордюры под неправильным углом. Просто держи трассу, – Монетти все видит и замечает. – Ты выигрываешь совсем чуть-чуть, но убиваешь резину. Не рискуй понапрасну.

Синьор Монетти – непререкаемый авторитет. Хотя ему только тридцать пять, многие механики старше его. Неслыханное дело – боссы итальянского автогоночного гиганта «ПримоАндреа» позволили назвать автоспортивное подразделение именем его директора.

Милтон умчался обратно на трассу. Хорошо бы, он показал лягушатникам, чего стоят наши машины. Все-таки Джонни добрый малый, а еще он внимательно относился к простым механикам и несколько раз накрывал им за свой счет превосходный ужин. Да и его подруга быстро стала любимицей команды: высокая Стефани из парижского кабаре пела потрясающе глубоким голосом пробирающие до мурашек романсы. Самому Марко больше по душе девушки в теле, с большим бюстом, когда есть за что подержаться как следует, но что взять с этих островитян.

Марко остался на стартовой прямой, наблюдая за пронесившимися мимо машинами. Гонка близилась к завершению, но он упорно стоял на месте. Пусть синьор Монетти видит: Марко не просто отбывает номер. Конечно, он не отказался бы поспать – а вы попробуйте за одну ночь безукоризненно подготовить к старту все машины. И поесть бы не мешало.

Марко мечтательно улыбнулся. В его голодном детстве, в глуши, где не у всякой семьи и лошадь-то имелась, односельчане, увидев автомобиль, сочли бы его чудом света или адским наваждением. А вот поди ж, теперь он – один из маленьких винтиков могучего механизма, что одну за другой кует победы на гоночных трассах Европы. И, между прочим, сам великий Дуче пристально следит за успехами итальянских автомобилей, оказывая им всяческую поддержку. Не это ли истинное признание успеха?

## Глава 6. Северная Италия, 20 километров от Генуи. Октябрь 1934 года.

Часто при упоминании какой-то нации в голове сразу всплывают стереотипы: англичане – сухощавы и чопорны, немцы – скупы и педантичны, русские – могучи и бородаты. Но жизнь сложнее стереотипов. Взять тех же итальянцев – они далеко не всегда низкорослые, чернявые и импульсивные, не пропускающие ни одной юбки и напевающие под нос оперные арии. К примеру, тот же Монетти, жесткий и холодный шеф команды – живое воплощение британского рыцаря, а вовсе не темпераментного южанина. Но сейчас классические представления об итальянцах пришлись к месту. Казалось, будто их не десять человек, а целый полк – все громко и возбужденно переговаривались, перебивая друг друга.

– Прошу к столу.

Хозяин открыл двери в просторный зал, где было накрыто роскошное угощение. В еде, надо признать, итальянцы толк знают. Широченный стол был уставлен разнообразнейшими тарелочками, мисочками, чашечками: манила нежная козлятина, шкворчала баранина, беззвучно раскрывала рты треска, кучей громоздились сардины, блестела тончайше нарезанная полупрозрачная ветчина, желтел чуть ли не десяток разного вида сыров, скромно притулились бобы и томаты, вздымались горой оливки, а свежайшие лепешки еще дымились, и все это источало ароматы розмарина, тимьяна и базилика. Ну и, естественно, вино – куда же без него: отводявая пространство у снеди, на столе высились запотевшие кувшины и запечатанные бутылки с кроваво-красными, бледно-желтыми, светло-алыми и мутно-лимонными напитками.

Если мы употребим все это, то сможем катиться по трассе и без наших машин. Джонни уселся за стол, по левую руку от него разместились его новая любовь – начинающая актриса итальянского кинематографа – Беатриче. В миру ее, правда, звали Марта, но разве можно взобраться на киношный Олимп, будучи просто Мартой? Джонни познакомился с ней на одном из званых вечеров. Беатриче-Марта обладала умопомрачительно роскошной шевелюрой, была миниатюрной, живой и неумолчно говорливой.

Сегодня же в новом особняке лидера команды Франко Санети гонщики и их спутницы отмечали окончание автогоночного сезона. Оно всегда наступало существенно раньше календарного года: гонки завершают в начале октября, когда даже на юге Европы начинаются дожди и пронизывающий ветер.

Год еще не миновал, но Джонни уже был готов подвести итоги. Это время было наполнено невероятным количеством впечатлений: он сверх ожиданий очутился за рулем бесподобного автомобиля и смог сражаться бок о бок с лучшими пилотами Европы. Неугомонный Монетти, неустанно совершенствуя машину, отправлял своих гонщиков на всевозможные состязания: чем больше пройдено километров, тем больше возможностей для анализа и последующих улучшений конструкции. Поэтому они гоняли каждую неделю, а то и чаще.

А еще он, обычный деревенский парень, неожиданно оказался втянутым в светскую жизнь и побывал на раутах, журфиксах, приемах и суаре (раньше и слов-то таких не знал!) и даже в парижской опере. Ему пришлось выучить итальянский. Довелось разбить пару красных машин, за что он удостоился выволочки от самого Монетти. Кроме того, он чуть не сломал ногу в одной опасной переделке на трассе и провел неделю на больничной койке. И пусть ни в одной серьезной гонке он так и не победил, ему удалось застолбить особое место в таком рискованном и таком захватывающем виде спорта.

– Я не мастер красивых слов, у меня лучше получается на трассе, – раздались аплодисменты, и Санети поднялся с бокалом в руках. – Несмотря на то, что Монетти одержали больше всех побед в сезоне, год выдался непростым, соперники не дремлют и не обещают нам лег-

кой жизни. Но разве когда-то было легко?! Монетти, благодаря Вам, мои дорогие друзья, ну и вашему покорному слуге тоже, – тут он шутливо раскланялся, – признает только первое место! В наших жилах горячая кровь настоящих победителей! Вива Монетти! Вива Италия!

Чокаясь с другими, Джонни кисло усмехнулся про себя: как так получается? Его страна – сильнейшая в мире держава, она владеет огромными территориями, имеет невероятное влияние. И при этом не может создать быстрые гоночные машины. Так что он, англичанин, вынужден находиться на вторых ролях у итальянцев, чьи владения не идут ни в какое сравнение с британскими. Хотя, надо признать, что Дуче, сосредоточив в своих руках всю власть, вкладывает колоссальные средства в автопромышленность и в автоспорт. Джонни, впрочем, тут же нашел ответ: спорт – по большому счету, игрушка. Наша же Империя пока сосредоточена на решении более важных и серьезных задач в этом беспокойном мире. Она все равно возьмет свое и в автомобильном спорте, притом с присущим ей королевским размахом.

– В следующем году очень усилятся немцы, помяните мое слово, – взял слово степенный Перон. – Германия уже оправилась от поражения в войне, а этот их бесноватый ефрейтор тоже полюбил спорт по примеру Дуче.

– На трассах наши машины разделяют немцев под орех, – махнул рукой Кавалло. – Они нам не конкуренты.

– Не скажи, в гонки возвращается мой старый соперник Кабрера, он восстановился после той ужасной аварии, – задумчиво возразил Санети.

– Хвала, конечно, ему. Я сомневался, что Вильгельм сможет вообще ходить, он же тогда на моих глазах улетел с дороги, – сказал Кавалло. – Но ты, мой дорогой Франко, лучше думай, как будешь обороняться от меня. В этом году ты победил, но в новом правила будут прозрачнее.

Все тут же с готовностью подхватили тему и начали обсуждать грядущие изменения. Во времена Великой депрессии единых правил гонок не существовало – как и системы, которая позволяла бы выявить сильнейшего гонщика. Но в последние годы собрание автомобильных клубов Европы – крайне неторопливая организация, управляемая в основном потомственными аристократами, – все больше приводила регламент к единому знаменателю. А недавно и вовсе объявила: со следующего года возрождается полузабытый общий зачет для гонщиков. Теперь за победу на этапах будут начисляться баллы: чем выше финишировал, тем ниже балл, а набравший наименьшее количество – станет чемпионом. Но баллы при этом будут начисляться не за все гонки, а только за определенные. В общем, тема животрепещущая, вопросов хватало, и гонщики обсуждали их оживленно.

Вскоре слово взял сеньор Дузио, единственный на вечере мужчина не из числа пилотов. Сложно сказать, кто этот лысоватый мужчина, что все время отирался в гаражах Монетти. Гонки привлекали людей самых разных профессий, как свечка – ночных мотыльков. Судя по несомненному достатку и жемчужным булавкам в галстуках, Дузио мог быть фабрикантом, коммерсантом или банкиром. Но он постоянно присутствует на гонках, кто тогда управляет бизнесом? Периодически к нему наведывались подчиненные – щеголеватые мрачные типы с квадратными подбородками, все как один одетые в костюмы от хороших портных.

Дузио принялся петь дифирамбы Санети:

– Можно бесконечно перечислять подвиги столь любимого всеми Франко и восхищаться его мужеством. Кто не помнит, как он со сломанной ногой гонялся, привязанный к седлу мотоцикла?! Он поразил нас, когда с переломом руки сбежал из больницы и победил! Свежи воспоминания, как камень, вылетев из-под колес, чуть не выбил ему глаз, но наш полуслепший герой смог закончить гонку. Мы ужасаемся фотографиям Франко на больничных койках и думаем: на нем не осталось живого места. Но Франко никогда не остановит адская боль. И за это мы носим его на руках! Поднимем бокалы за Франко! Человека, презирающего тормоза!

Смущенный и польщенный Санети полез обниматься с тостующим. Человечество только начало массово осваивать машины: в гонках травмироваться, а то и сыграть в ящик – плевое дело. Для многих первая же серьезная травма зачастую означает конец карьеры и прозябание инвалида. Санети же с завидным постоянством, намного чаще других, попадал в передраги. Только он всегда выходил из них хоть и поцарапанным, но живым; озарял всех своей знаменитой улыбкой и как ни в чем не бывало возвращался на трассу. Порой даже казалось, что многочисленные переломы лишь добавляют ему крепости и сил.

По прошествии времени, отяжелев от всего съеденного и захмелев от выпитого, гости стали расползаться по просторному дому. Женщины стайкой обсуждали малоинтересные сплетни. Беатриче очутилась в центре внимания и совсем не растерялась в малознакомой компании. Мужчины же собрались для частных бесед в сигарной комнате, которую мгновенно затянуло сизым туманом.

Джонни вышел в зябкую прохладу вечера на улицу и закурил сигарету. К аристократическому куреву он так не привык, да и хотелось побыть одному. Все гонщики относились к нему как к равному: им вместе, как на войне, приходилось каждый день рисковать жизнью, но иногда он явственно ощущал – он тут немного чужой.

– Ааа, Милтон, – его уединение продолжалось недолго, рядом покачивался Кавалло. Щуплый итальянец изрядно захмелел, от него несло благородным винным ароматом. – Слышал Дузио?! Сколько подобоострастия, а ведь это очень серьезный человек. Все восхищаются Санети. Везучий, сукин сын! Франко то, Франко это... Думаешь, у меня мало аварий?! Я – ничего не ломал?! Как плохо срасталась моя нога, как я орал, когда ее ломали и снова гипсовали, хромал потом как черт! Как я не могу уснуть ночами и жру горстями эти опес... обес... обезболивающие! Но я же молчу! Он герой, а я никто! Но все изменится, поверь. А ты мне нравишься, Милтон, ты больше молчишь, а мы все говорим-говорим без умолку, а пользы ноль. Из тебя выйдет толк, Джонни! Только если будешь держаться старого Кавалло.

Джонни даже чуток умилился, до того всклокоченный итальянец в расстегнутой рубашке напоминал выпивох в пабе его полузабытого родного городка, вечно жалующихся на жизнь, работу, жену и тещу. Джонни подавил желание потрепать Кавалло по плечу, мол, все обязательно образуется, старина. Так-то это гонщик мирового уровня, за его подвигами на трассе следят толпы людей, а вот сейчас и не скажешь.

– Дорогой Джино, пойдем лучше выпьем прекрасного вина, и все проблемы покажутся нам такой ерундой. Ну, до завтрашнего вечера совершенно точно.

## Глава 7. Франция. Центральная площадь города Ним. Март 1935 года.

Заметка из газеты «Общество».

*Турнир тысячи лье – эти слова заставляют сердце любого спортивного болельщика биться чаще. И пусть фактически протяженность гонки составляет «всего» 1500 километров, старинная мера длины как нельзя лучше отражает дух легендарного соревнования. Как и героям прошлого, гонщикам предстоит проскакать тяжелый путь на своих железных конях по всему югу Франции, им необходимо проявить смелость и выдержку, а их скакунам – надежность и скорость. Дистанция гонки проходит по дорогам общего пользования, где гонщикам придется одолеть невероятные препятствия. И только истинно лучший из них по праву сполна насладится лаврами победителя.*

*Первый участник стартует по традиции с центральной городской площади ровно в восемь вечера, остальные следом за ним с минутным интервалом. А финиширует гонка там же в утренние часы, но до финиша доберутся только сильнейшие. Дорогие читатели, мы следим за развитием событий.*

20 минут до старта

Джонни оглядел разноцветное море машин на площади старинного города. Когда-то джентльмены из собрания автоклубов приняли историческое решение: отныне в официальных соревнованиях машины каждой страны будут иметь свой цвет. Италии достался красный, Англии – зеленый, Франции – синий, Германии – белый, Бельгии – желтый. Сейчас же преобладали красные и синие тона: оно и понятно – итальянцы традиционно сильны во всех соревнованиях, а французы свою вотчину без боя не уступят. Белого цвета откровенно мало – педантичные немцы пока только вкатывались в гонки после вынужденного перерыва.

К сожалению, зеленого не так много, как хотелось бы. Да и машины, если честно, не блещут.

Автогоночный сезон стартовал совсем недавно, а «Тысяча лье» и вовсе – первое крупное состязание. Поэтому сюда съехались все фавориты. Престиж победы в этом изнурительном марафоне чрезвычайно высок.

Но Джонни отлично отдохнул в зимние месяцы и нацелен на хороший результат. В нем клокотала энергия, требовавшая выхода, и сам гонщик чувствовал, что находится на пике возможностей.

Две минуты до старта

Все работало точно лучший швейцарский хронометр. Сотни лошадиных сил, скрытых под капотом, рвутся наружу. Рядом на сиденье – в марафонах использовались спортивные, а не гоночные автомобили – сидел Чарли. Джонни с трудом вытаскил с родины своего первого механика: с соотечественником ему спокойнее, но этот дурень совсем не стремился обратно в Европу.

Полчаса после старта

Джонни прекрасно понимал: нет смысла гнать во весь опор, нужно вкатиться в ритм долгой гонки. Перво-наперво придется разбираться с медленными машинами, стартующими впереди, а потом расклад сил станет более или менее ясен. Стараясь не рисковать понапрасну, Джонни аккуратно объезжал неторопливых соперников, предусмотрительно оставляя зазор

между ними и собой. За опытность этих ездоков поручиться сложно, а выбывать из гонки по причине чьей-то безалаберности он не планировал.

21:34

По краям трассы огромное количество зевак, они приветственно машут с кромки обочины. Все это, конечно, приятно, но мчаться в двух шагах от людей безумно рискованно. Некоторые, вовсе сумасшедшие, развлекались тем, что перебежали дорогу прямо под носом несущихся машин. Очень тяжелый участок. В этот момент зрителей просто ненавидишь.

22:18

Они оказались в сельской местности, на разбитой просёлочной дороге. Мелькали заборы, стога сена, телеграфные столбы, лаяли собаки, пощипывали траву коровы, совсем не обеспокоенные тем, что совсем рядом промчалось рычащее и пахнущее бензином страшилище. Джонни тщательно следил, чтобы колесо не угодило в ловушку в виде ямы или канавы. А верный Чарли бдитительно сверял дорогу с картой. Не хватало еще заблудиться в этой пасторали.

22:33

По узкому мосту с ветхими деревянными перилами аккуратно преодолели безымянную речушку. Казалось, ненадежное, хлипкое сооружение колышется под тяжестью машины.

23:05

Позади первый серьезный соперник. Белоснежный «Рамберт» с фон Дальбергом за рулем. У «Монетти» преимущество в скорости, и они легко вышли вперед.

Крупный немецкий автомобильный концерн вернулся в гонки. Пока что он сосредоточил усилия на стандартных гонках, предпочитая не расплытаться на подготовку машин на всего одно, пусть и невероятно престижное соревнование. Типичный немецкий расчет!

23:30

Первая контрольная точка. Естественно, преодолеть долгую дистанцию, не останавливаясь – за пределами как человеческих сил, так и автомобильных. По пути им предстояло встретить четыре пункта, где их ждали механики Монетти, готовые дозаправить и осмотреть технику на предмет неисправностей. Джонни попил, выкурил сигарету, и они понеслись дальше. Слава Британии, итальянская техника работала исправно. Пока стояли, он узнал, где основные соперники. Еще впереди. Не будем впадать в уныние. Мы же только начали, так сказать, опрокинули первый бокал. Основные блюда даже не на столе!

23:55

На время гонки дороги перекрывают, но, конечно, за всем не уследишь, и на полуторатысячном маршруте возможны накладки. Сердце ушло в пятки: они чуть не столкнулись с лошадью, тащившей телегу, а на облучке восседал какой-то старый дед. Куда ты поперся в полночь? Врежься в него – и позору не оберешься! Все газеты бы написали. Не отмоешься потом.

00:42

Наверное, полчаса они гнались бок о бок с соперником, благо, путь пролегал по широкому шоссе. Судя по раскраске, это Дюваль. Джонни, не имея особого преимущества в скорости, отчаянно пытался выйти вперед на поворотах. В итоге неуступчивый француз остался позади, а бедолага Чарли весь взмок. Это и вправду очень опасно. Если бы машины столкнулись... Лучше не думать. Встреча с апостолом Петром пока не входила в их планы.

Но каков Дюваль! Уже немолодой, всегда интеллигентный и вежливый в общении француз проявил невиданную цепкость.

01:10

Вот и вторая остановка! На сей раз механики возятся долго. Необходимо тщательно все проверить. И у машины, и у водителя накапливается усталость. Джонни пьет кофе из огромной чашки. На улице очень зябко, в автомобиле этого совсем не ощущаешь.

02:20

Чарли, не спать! Дорога уже долгое время пустынна, лишь однажды из-под колес с визгом спасается какая-то мелкая лесная живность.

Джонни немного сбавляет обороты – сейчас машину лучше поберечь. «Тысяча лье» – это еще и испытание для техники. В отличие от гоночных, спортивные автомобили запускают потом в массовое производство. Каково будет зажиточному итальянскому воротиле (мелкому клерку такое не по карману) небрежно обронить в непринужденной беседе: дескать, такая же кобылка, как у меня, выигрывала легендарную гонку. Друзья обзавидуются, а дамы упадут к его ногам – женщины вообще падки на яркие дорогие вещички!

02:48

Очень хочется спать. Сначала Джонни пытается сосредоточиться на дороге, но внимание притупляется. Надо подумать о чем-то отвлеченном: постаревший отец хочет продать свой хлопотный разросшийся бизнес и заделаться фермером. Мать не столько радуется деньгам, которые Джонни теперь исправно высылает родителям, сколько пишет, как сильно переживает за него. Жалко ее.

03:12

Проклятье! У них спустило колесо. Сперва Джонни думал – есть шансы дотянуть до остановки, но быстро понял, что это невозможно. Вдвоем с Чарли, изощренно ругаясь в непроглядной темноте, они поднимают машину домкратом и в грязи (угораздило же ее отыскать) меняют спустившую покрывку. Джонни беспокойно поглядывает на дорогу, но зря – мимо так никто и не проезжает. Ну, хоть стряхнули сонную одурь.

03:42

Населенные пункты натканы неравномерно, и следующая остановка не заставляет себя долго ждать. Механики бегло осматривают машину и тщательно проверяют резину. Пока Джонни выдувает очередной кофе, Серджио сообщает ему хорошую новость – он следует вторым прямо за Санети. И плохую – по заранее разработанному плану ближе к финишу гонщики должны не атаковать напарников по команде, а приложить все усилия, чтобы финишировать спокойно, без риска для техники.

04:02

А что ты хотел? Среди итальянцев ты никогда не будешь первым, тем более что Франко впереди.

Джонни ведет неторопливо, он очень устал, все тело от долгого сидения затекло, и короткие остановки не помогают. Скорее бы финиш. Кажется, он никогда так не хотел растянуться во весь рост на мягкой перине. Чарли совсем клюет носом, и даже чувствительные тычки в бок не будят его.

04:25

Сонное течение дистанции прерывает невероятное событие. Джонни выводит машину из крутого поворота и видит, как на обочине, уткнувшись носом в пень, замерла такая же красная машина. Рядом возятся две фигуры. Кажется, разбит радиатор. Джонни, естественно, притормаживает. Не нужна ли помощь? Санети раздраженно машет рукой – проезжайте. Теперь их экипаж на первом месте!

04:33

Сонливость как рукой сняло, Джонни ощущает невероятный прилив сил. Теперь у него все законные права финишировать первым. Это тяжелейший марафон, где с каждым может случиться неприятность. Чтобы победить, необязательно быть самым быстрым, главное – стабильный темп. Завтра все газеты будут восхвалять его. А еще призовые, да какие! Теперь в команде на него посмотрят совсем по-другому. Попробовать взять на шпагу первенство Европы? Эх, мечтать, так мечтать!

04:52

Перед ними железнодорожный переезд, слышен гудок поезда вдаль. Надо успевать тормозить, шлагбаум уже опускается. А вдруг? А вдруг этот Демон смог завести машину и сейчас бросился в погоню?!

На решение остаются секунды, посадка у спортивной машины очень низкая, крыши нет, а шлагбаум рассчитан на обычные массивные дорожные автомобили. Газу!

– Пригнись! – орет Джонни, вдавив до упора педаль в пол.

Получилось! Они проскочили! Джонни поднял голову, и они устремились дальше. На обмершего от ужаса Чарли лучше не смотреть.

05:48

После приключения на переезде всплеск адреналина быстро иссяк, и сон снова пытается взять над ними верх. Хорошо, они какое-то время поднимались на холм по извилистому шоссе, а потом спустились. Это немного развлекло. Джонни все время смотрел в зеркала заднего вида, не появятся ли фары догоняющей машины, но там черным-черно. Скоро еще одна остановка, а там недалеко и до финиша, куда, по расчетам, они должны прибыть примерно к десяти утра. Уже пойдут ближние подступы к городу. Даже если Санети и сможет настичь его, наплевав на указание беречь машину, то обогнать в тех местах будет – ой, как нелегко.

Теперь главное, чтобы не подвела ни одна деталь – ни капризные свечи, ни разгоряченный двигатель, ни нежное сцепление. Ладонь на рычаге передач свело от усталости, но Джонни помнил – он должен быть предельно аккуратен, слишком высока нынче цена ошибки.

Холм наконец закончился, и они вырвались на ровную дорогу, надо поберечь мотор.

Что за черт?! Зеркало заднего вида неожиданно озарил ярчайший свет, Джонни осознал, что к ровному урчанию его мотора добавился еще звук. Газу. Срочно газу! Но уже поздно! Оглушительно ревя, мимо промчался и скрылся впереди приземистый силуэт. Да как так-то?! Ведь не Санети это, в самом деле?!

10:20

После финиша Джонни, конечно, получил свою долю оваций и комплиментов. Обычно сдержанный Монетти светился от счастья – еще бы, две его машины финишировали впереди. Но главным героем опять оказался чертов Санети, журналисты и зрители наперебой пересказывали друг другу, как отважный итальянец догнал напарника, но, не желая вступать в прямое противоборство, выключил фары и следовал за ним в абсолютной темноте, а когда дождался удобного момента – прибавил мощности, и поминай как звали.

22:00

Отоспавшись как следует после финиша, Джонни шел, не спеша разрезая уличную толпу. Для обывателей, не избалованных зрелищами, любое спортивное соревнование – всегда праздник. Вокруг пели, танцевали, веселились, флиртовали, шутили, ругались и, разумеется, выпивали. Как мало нужно простым людям для счастья! Никто, понятное дело, не знал Джонни в лицо – автогонки не кинематограф. Да и признали бы – кому он нужен. Он же не Санети. Эта фамилия сидела в мозгу как заноза. Такое ощущение, что итальянец – рыцарь Ланселот, а он безымянный оруженосец, которому отвели лишь малозначительную строчку в балладе.

Джонни искал какое-нибудь маленькое кафе, чтобы насладиться знаменитыми французскими булками и, само собой, выпить коньяку. Его уже тошнило от вина, и почему-то очень хотелось порадовать себя коньяком. Не подумайте, он не пьяница, но после таких событий организм ультиматумом требовал спиртного, и ничего не поделаешь.

Все столики оказались заняты, и Джонни, недолго думая, двинулся к тому, где сидела одиноко девушка. Не к крестьянам же и громогласным рабочим, в самом-то деле?! Тем более, Джонни почудилось – красавица тоже смотрит на него. Жаль, из-за стола толком не видно ног – Джонни всегда оценивал длину и стройность женских ножек.

– Слеплен вашей красотой, не могу пройти мимо. Но если я чем-то нарушаю ваше уединение – сразу же улечусь.

Девушка рассмеялась и милостиво пригласила присесть. Примерно его возраста, с медно-рыжими густыми волосами, постриженными достаточно коротко. На французенку, кстати, не похожа. Так и есть. Соотечественница. С кэрроловским именем Алиса.

– Вы же гонщик, – скорее утвердительно сказала новая знакомая.

Джонни против воли расплылся в улыбке.

– Приятно, когда тебя узнают!

– Нет, что вы! У вас в ногти въелось машинное масло, как у механиков, но на лице – характерный, едва заметный след от очков, такой бывает только у гонщиков.

Джонни сжал ладонь в кулак, спрятав не совсем чистые ногти. То, что его могли принять за механика, ему категорически не понравилось.

– Вы очень наблюдательны, Алиса, особенно для женщины.

– А женщины, по-вашему, годятся только вести хозяйство?

– Нет, я вовсе не это имел в виду. Просто странно, когда женщина столь логична...

– Вы-таки сторонник консервативного подхода к женской роли? – хитро спросила Алиса.

Джонни смутился и ляпнул:

– Между прочим, я не простой гонщик, моя фамилия Милтон, и я чуть не выиграл турнир.

Как по-детски это прозвучало. Да что ж такое.

– А-а-а, Милтон! Вы финишировали третьим?

– Вторым.

– Позвольте поздравить. А почему вы в таком скромном кафе, а не в дорогом ресторане?

– Искал вас, дорогая Алиса.

– Что ж, комплимент засчитан, – кивнула девушка. – Гонщик – это же, должно быть, очень романтично: постоянные путешествия, народная слава, призы, шампанское и женщины. Как киноактер, только те рискуют понарошку.

Обычно женщины млели, узнав, с кем общаются – не с каким-то там заштатным частником на устаревшем ведре, а членом самой передовой гоночной команды. Джонни в ответ травил им кучу баек про бесстрашие и каждодневный вызов в лицо смерти. Но в глазах необычной Алисы он увидел озорные огоньки и засомневался, стоит ли вести привычную игру.

– Простите, вдруг я пытаюсь выведать страшную тайну, но чем вы занимаетесь, Алиса?

– Никаких тайн. Я внештатный корреспондент газеты «Мун», путешествую по Франции, вот занесло сюда. Гонки – мужской спорт, а я хочу написать о «Тысяче лье» глазами женщины.

– Ого! Вы потрясающая девушка. Те репортеры, к которым я привык, как правило, или суетливые, расхристанные молодчики, или мужеподобные суффражистки. Кто бы думал, что в журналистике встречаются такие красотки.

– Хотите, я вас добью? – улыбнулась Алиса.

– Неужели вы тоже гонщица? Мое сердце этого не вынесет.

– Что вы, все намного проще. Я пытаюсь стать еще и фотокорреспондентом. Слышали про американку Мэри Брук-Уайт? Это первая женщина-фотожурналист. Вот и я хочу – пусть не первой, но в десятке. Но, к сожалению, все не так просто. У меня в номере лежит эта гигантская штукавина – фотокамера, и пока у меня с ней не очень ловко спорится. А видели бы вы мои снимки, это крошечный ад какой-то.

Алиса вновь беззаботно рассмеялась. Джонни повнимательнее пригляделся к ней: в глубоких зеленых глазах читались нешуточная воля и ум. Алиса не похожа на девиц, которые обычно окружали гонки – с разговорами о моде, кино и вялых попытках сделать вид, будто они разбираются в искусстве. Попадались, конечно, и истинные аристократки, но Джонни, сам происходивший отнюдь не из графов, их чуть-чуть побаивался и сторонился.

– Может, в ресторан? Здесь шумно и неинтересно, – предложил Джонни. – Вы мне расскажете про фотографию. Никогда не держал этот аппарат в руках. А я расскажу про гонки. Вам же пригодится для материала? Выберите любое заведение, самое роскошное – гонщики Монетти в средствах не стеснены.

Действительно, проработав год у итальянцев, Джонни стал неплохо зарабатывать: пусть до виллы на взморье ему далековато, на рестораны хватало всегда. Правда, там придется танцевать, а он в этом не особенно силен.

– Всегда восхищалась настойчивыми мужчинами... – задумчиво протянула Алиса.

Неожиданно Джонни осенило:

– Ресторан – слишком обыденно. Не будет ли большой дерзостью, если я рискну предложить вам кое-что иное.

– Пробуйте удивить, Джонни.

– Мы сейчас дойдем до гостиницы, там стоит мой автомобиль. Почти такой же, на каком я выступал – спортивный и очень скоростной кабриолет. Прокатимся по ночным дорогам? Держу пари, вам не доводилось испытывать таких ощущений.

– Пойдемте, мистер Милтон, покажете, какой вы гонщик. Вдруг обманываете бедную девушку. Только условие – держать себя в рамках приличий, – твердо сказала Алиса. – Моя старенькая мама не оценит: с мужчиной, ночью, да еще и в машине. Какой кошмар!

Пока они шли до гостиницы, Джонни узнал, что женщин не допускают освещать ни серьезные экономические, ни политические вопросы, ни спорт. Может, оно и верно: дай волю – будут писать лишь про красавчиков. И в ведущие Би-Би-Си дорога им тоже закрыта. А рассказывать только про новинки моды для скучающих леди Алиса не желает. Знали бы вы, как тяжело пристраивать свои статьи; сколько сил и труда приходится тратить! Скольких нервов стоило уговорить редактора принять идею написать про спорт с женской точки зрения – хотя бы в виде эксперимента.

Они добрались до гостиницы. Надо сказать, автомобиль впечатлял: сверкающий лаком красный кузов, хищные глазницы фар, надраенные детали, потрясающие обтекаемые формы – сама элегантность и торжество технического прогресса. Строго говоря, машина принадлежала не ему. Команда лишь предоставляла ее в пользование на период соревнований, но Джонни об этом благообразно умолчал. Восьмицилиндровая красавица взревела и демонстративно, с визгом прокрутив крышки, ринулась с места.

Джонни изо всех сил постарался произвести впечатление на невозмутимую спутницу: они еще не вырвались из города, а он уже притопил педаль газа, и стрелка спидометра рванула вверх. Алису порой мотало из стороны в сторону. Он с разных сторон обгонял попутные машины, лихача сверх меры, за ними раздавались протестующие гудки. А уж когда их красный метеор вырвался на пригородную дорогу, Джонни разогнался еще сильнее. Ночная трасса с деревьями, мелькавшими по краям, в свете одних только фар выглядела жутковато. Джонни промчал с пару десятков километров, завернув несколько лихих виражей на особо крутых поворотах.

– Остановите, пожалуйста.

Они затормозили где-то в лесу, вокруг ни души и чернильная тьма, даже луна куда-то скрылась. Враз побелевшая Алиса дернула за ручку и вышла из машины.

– Мне надо подышать.

Джонни выругал себя последними словами: распустил перья! Сам даже не вспомнил, а что взять с неопытного человека?! Если сейчас ее стошнит – очень увлекательная поездочка получится. Идиот. Кретин. Тупоголовый павлин!

Алиса, кажется, немного пришла в себя, уже не такая белая. И упала на сиденье.

– Прошу меня простить, для меня-то это мелочи. Боюсь, я напрасно так разогнался, – Джонни клятвенно приложил руки к груди.

– А вы действительно хороший гонщик, мистер Милтон, – заметила Алиса. – Только обратно поедем помедленнее. В вас ни капли романтики – не дали девушке насладиться ночной природой.

– Клянусь, – пообещал Джонни, – для вас – все что угодно. Еще раз мои глубочайшие извинения.

– Приму, скрепя сердце, – вымученно улыбнулась Алиса.

– Заверяю, теперь буду ехать со скоростью самой медленной черепахи в мире, да еще и хромой, – торжественно поднял руку Джонни.

– Да бросьте, это увлекательно и очень забавно. Ну что, поехали обратно?

Джонни присмотрелся к румянцу на щеках спутницы, к искоркам в глазах и притянул ее к себе, запечатав губы поцелуем. Сначала осторожным, разведывательным, а когда не встретил ни малейшего сопротивления, то продолжительным и страстным.

## Глава 8. Испания, район Сан-Себастьян. Июнь 1935 года.

На трибуне, среди многотысячной толпы, очень душно и тесно. Люди на деревянных лавках теснятся друг к другу, иногда волной накатывает кисловатый запах потных тел. А еще порой над автодромом поднимается порывистый ветер, так и норовящий сдуть шляпу.

Консальво Грассо – второй заместитель начальника ключевого департамента министерства спорта – поерзал на лавке, стараясь максимально отдалиться от соседей. С одной стороны сидели юркие и беспокойные, не в меру расшалившиеся дети, а с другой очень полный мужчина пытался во всю ширь развернуть газету.

Вдобавок бросило в жар изнутри, а к горлу неожиданно подступил неприятный комок. В Монетти вчера по случаю приезда важного гостя накрыли роскошный стол. Вино разливали отменное. Только всему есть мера, к тому же в конце вечера Консальво пил крепкий херес – это вот явно было лишним. Потом они помчались в театр к певицам, но это он помнил смутно. А если бы утром он не ограничился лишь одним осторожным бокалом сангрии, глядишь, и здоровье бы поправилось.

Консальво уже пожалел, что категорически отказался от места на трибуне почетных гостей. С утра ему казалось отличной идеей смотреть гонку вместе с простыми людьми, чтобы понимать, что они чувствуют. Теперь Консальво мысленно костерил неразборчивых обывателей, которым в радость любое зрелище – какое угодно. Просто идиотизм: гонка длится не менее четырех часов, машины появляются перед трибунами редко. За это время на проклятой лавке можно отдать концы.

Сейчас по главной прямой мчался алый автомобиль Санети. Только он так способен пройти поворот – ранний вход и скольжение в клубах пыли в фирменном заносе всех четырех колес. Мгновение – и кажется, легендарный гонщик опоздал и не контролирует болид, но машина замирает на долю секунды в какой-то невероятной траектории, гонщик добавляет газу и продолжает полет. Вообще, управляемый занос – скорее стиль раллистов, по кольцу так не ездят, велик риск ошибиться, проще, наоборот, держать наилучшую траекторию, чтобы быстрее войти в поворот. Но это же сам Санети! Других же гонщиков, сколько бы те ни старались повторять его стиль, непременно ждало поражение.

Широко известна байка, как Санети интервьюировали журналисты: на вопрос, как ему новые тормоза, установленные на его машине, бравый итальянец беззаботно ответил – я ими почти не пользовался.

Честно говоря, требовалось немало смелости, чтобы хотя бы забраться в этот гроб на колесах. По-другому не скажешь: длинная обтекаемая передняя часть машины с тупым носом и в самом деле напоминала гроб. Сам пилот сидел ближе к хвосту, сильно высовываясь над корпусом, и на огромных скоростях ничто его не защищало. Практически любое столкновение с препятствием, не говоря уже про контакт с другой машиной, заканчивалось для гонщиков травмами. Б-р-р-р, он с трудом мог представить, что бы заставило его влезть в эту колымагу. Даже самому министру такое не под силу!

Адски болит голова. Ощущение – в мозг вкручивают невидимый шуруп, медленно-медленно. Все. Хватит с него. Стараясь никому не отравить ногу, отпуская про себя изошренные ругательства, Консальво выбирался с трибуны, прижимая к груди папку с документами. Вообще-то он прибыл с крайне важной миссией. Спортивное руководство страны выразило чрезмерное беспокойство, когда в первом сезоне возрожденного первенства Европы алые Монетти неожиданно оказались неспособны конкурировать с немецкими машинами. Санети

одержал лишь одну победу, да и то за счет своего несомненного таланта, но разве это достойный результат для привыкших побеждать итальянцев?!

Консальво должен изнутри оценить работу команды и представить отчет начальнику департамента, ему в свою очередь держать ответ перед министром, а тому... даже подумать страшно. Дуче, уделяя внимание не только социальным и экономическим вопросам, заботясь о благе граждан, не забывал и о престиже страны. А что будет с продажами могучего концерна «Примо Андреа», дающего тысячи рабочих мест простым людям, если в гонках его машины будут терпеть неудачу за неудачей? И самое страшное – на глазах этих же самых людей.

Короче говоря, Консальво осознавал всю серьезность задачи и вчера весь день провел в боксах, ковыряясь в бумагах и провоняв машинным маслом с подошв и до кончиков пальцев. И то, что он чуть расслабился вечером, никак не повлияет на его настрой. И крупно ошибается тот, кто полагает, что роскошная трапеза и актрисы, которых он даже толком и не помнил, склонят его к необъективным выводам.

Внизу, под трибунами, тоже хватало народу. Консальво мрачно продирался сквозь возбужденную толпу. Да, Марио предлагал сначала насладиться гонкой, а потом уже все обсудить. Но увиденное не доставило восторга. Да и кто такой Марио, пусть и талантливый, но наемный рабочий, против него – проводника воли высшей власти страны?

В боксах царила расслабленная атмосфера. Меж тем, радоваться нечему. Одна машина Перона уже покинула гонку – беспомощно замерев где-то в лесу (а с трибуны и не видно, что красных силуэтов стало меньше). На машине Кавалло барахлила коробка передач, и он уже дважды заезжал в гараж, хотя до конца исправить неполадку в условиях гонки невозможно.

Сам Марио ходил невозмутимый, в своих непрременных черных очках. С чего, спрашивается, столь ледяное спокойствие?!

– Что там, Марио? – требовательно спросил Консальво. Ах, как же хотелось бокальчика холодной сангрии! Но надо терпеть.

– Впереди три «Рамберт». Наши лучшие машины на четвёртом и шестом местах, но все еще может случиться.

– Мы не должны надеяться на случай, Марио, – тон Консальво стал назидательным. – Разве этого ждут итальянцы на трибунах и радиослушатели, что жадно прильнули дома к приемнику?

Вскоре на смену резины заехал Джон Милтон, и разомлевшие на жаре механики чуть ли не минуту (он следил по секундомеру) меняли колеса.

– Почему они лежат на полу? Пусть будут в готовности, – шипел Консальво.

– Люди не могут быть постоянно начеку. Когда-нибудь мы доживем до тех времен, когда в машине будет радиосвязь и гонщик милостиво сообщит, что изволит заехать, – ответил Монетти. – Пока мы можем только догадываться о его намерениях. Никому из нас не известно состояние его резины или техники.

Они беседовали буквально в нескольких метрах от трассы. Машины, обдавая ветром, пронеслись совсем рядом, людей от них ничего не отделяло. Консальво поежился, представив масштабы катастрофы, если кто-то вылетит в этом месте. Хотя тут прямая, что может стрястись на прямой?

Очень хотелось пить, пусть даже не вина, а простой чистой воды. Консальво закрыл глаза и вообразил, как она льется в горло. Но, как на беду, никакой воды вокруг не имелось – только та, что для гонщиков.

– У меня предложение: Таллорези занимает четвертое место, пересадим Санети в его машину? Тогда у него будут шансы навязать борьбу немцам. Взгляните! Ничего же им не делается, едут себе вереницей!

Консальво живо представил, что триумфально напишет в отчете, как именно его решение переломило ход этапа.

– У гонщиков разный рост, в машине Таллорези Санети будет некомфортно, – отрезал Марио.

– Какой еще рост? Не пудрите мне мозг! Санети способен ехать быстро на любой технике. А почему он, кстати, так отстал? Я не заметил у него проблем.

– Франко не любит бороться за шестое место, ему нравится побеждать, иначе он теряет интерес.

– Вот! – торжествуя поднял палец Консальво. – А мы не можем представить достойную машину нашей легенде. Что будет со спросом на дорожные автомобили? И это не самое ужасное, Вы подумайте о престиже нашей с вами страны на арене международного автоспорта! Начало сближения с немцами в политическом смысле никак не означает, что надо уступить им в спортивном.

– Вы же видите: мы делаем все, что в наших силах.

– Вижу! Я-то вижу: сезон проигран, у нас нет шансов догнать немцев. Они просто быстрее – четыре победы из пяти. И понятно, почему. За последние двое суток я разобрался в творящемся у вас бардаке, и в техническом плане, и в организационном.

– За два дня невозможно вникнуть в столь сложный организм, как наша команда, – усмехнулся Марио. К сожалению, не видно его глаз. Дурацкая привычка – никогда не снимать эти чертовы очки. – Во-первых, у нас более слабый мотор, а, во-вторых, из-за конструктивной особенности машины и неудачно выбранного расположения двигателя внутри кузова и эту мощность не удастся использовать в полной мере. Мы работаем над устранением, но модификацию так быстро не поменять. Думаете, мне нравится проигрывать? У меня сердце кровью обливается за ребят! Но не может одна машина постоянно быть быстрее всех, иначе бы никто и не следил за состязаниями.

– Оставьте эту философию прессе. Давайте тогда найдем виноватого и показательно уволим. Кто проектировал этот чертов мотор? – вскипел Консальво.

Ему не нравилось, когда ему перечили. От кого, в конце концов, зависит судьба всех этих директоров, тренеров, клубов, футболистов, атлетов, боксеров и олимпийцев? Что бы они делали без грамотного управления со стороны государства?

– Уволить человека очень просто, построить слаженный механизм – куда сложнее, – возразил Монетти. – Я подбираю людей как бриллианты, один к одному. И решения принимаю единолично, только я знаю, как руководить автогоночным подразделением.

– Я все зафиксирую в отчете, – угрожающе процедил Консальво.

– Каждый вносит посильный вклад в общий успех, – пожал плечами Монетти. – Простите. Я – работать.

– А я, по-вашему, чем занимаюсь?

Но окрик Консальво уже разбил его о прямую спину удаляющегося Монетти. Ну и ладно, главное – все окажется на бумаге. Надо пойти поискать буфет, должен же он где-то быть на этом проклятом автодроме?!

## Глава 9. Италия. Пляжи Сан-Ремо. Август 1935 года.

Положительно, поменявшаяся в двадцатые годы пляжная мода очень нравилась Джонни. Если раньше женщины приближались к воде, заключенные с головы до ног, точно средневековые рыцари, в плавательную амуницию, то теперь все иначе. Купальные костюмы стремительно укорачивались, дамы свободно обнажали руки и спины, а сам костюм начинался существенно выше коленей, открывая ноги почти полностью и заставляя трепетать мужские сердца. Да и раздельное купание тоже в прошлом. Пляж превратился во вполне светское развлечение.

В конце августа выдался перерыв между гонками, поэтому Алиса предложила расслабиться на несколько дней. Они взяли с собой коллег и отправились на курорт. По правде сказать, в самой Монетти отмечать нечего. После долгих лет побед команду стали преследовать постоянные неудачи: им отчаянно не хватало скорости, а «Рамберт» оказались невероятно быстрыми. Все сильно нервничали, из-за чего гонщики чаще ошибались, а техника беспрерывно ломалась.

Сезон фактически окончен, шансов догнать по очкам пилотов «Рамберт» в борьбе за первое место не оставалось. Но в этих условиях Джонни неожиданно стал лучшим из гонщиков Монетти. Он допускал меньше ошибок, чем более опытные партнеры, старался использовать редкие проблемы конкурентов, и наградой ему послужила третья позиция в общем зачете. Санети утверждал: иное место, кроме первого, его не интересует. Потому он часто рисковал, загонял технику, финишировал очень далеко, из-за чего набрал много лишних очков и отстал.

Наверное, так выглядит рай. Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралась широкая полоса белого и мягкого песка, за ней прозрачная водная гладь, а вдали виднелись паруса дорожных яхт, скользящих по волнам. Поминутно раздавался беззаботный смех, сновали потрясающе красивые девушки, мелькали полуобнаженные тела, звучала бравурная музыка. Позади красовались белоснежные корпуса фешенебельных отелей, рожицы раскидистых пальм и открытые рестораны, где подавали изысканных морских гадов.

Джонни вспомнил свою единственную победу в этом году, когда после четырехчасовой пятисоткилометровой гонки он, пропахший бензином, покрытый слоем пыли и грязи, с кровоточащими руками, смертельно уставший, первым смог бросить свою машину в финишный створ. Как ужасалась Алиса, видя, что он скрипел зубами, срывая перчатки вместе с кожей и перевязывая стертые до мяса ладони. Неужели так бывает? А ты как думала? Это тебе не кривляться перед кинокамерой, стреляя холостыми патронами в вымышленных злодеев, или гонять мяч по зеленой траве, умудряясь не попадать в широкую сетку.

Джонни с удовольствием смотрел на возбужденных купанием женщин. На их обнаженной коже эротично поблескивали бисеринки морской воды. В желто-зеленом купальном костюме – отлично сложенная спортивная Алиса, в патриотичном красном одеянии – жена Санети, Джулия, сохранившая превосходную форму, несмотря на возраст и роды.

Джонни блаженно растянулся в шезлонге и мысленно спросил себя, дойдет ли когда-нибудь свобода нравов до того, что у женщин на пляже останутся только две узкие полоски ткани, чтобы прикрывать только сокровенные места? А самые смелые вообще будут загорать как Ева до грехопадения... Нет, это, пожалуй, перебор.

Алиса тем временем хвасталась соседке их поездкой в Англию. Нежданно-негаданно Джонни оказался быстрейшим гонщиком британских островов. Пусть не лучший в Европе, но все равно – очень приятно, что скрывать. Его пригласили не просто в ставшее привычным министерство спорта, а в Букингемский дворец. Там его представили особе королевской крови – между прочим, не последней в очередности наследования престола. Сам Джонни очень переживал, но особа оказалась очень милой и простой в общении, и встреча прошла в непринужденной обстановке.

– Иди к мужчинам, дорогой, – скомандовала Алиса. – Солнце печет нещадно. У нас хотя бы широкий зонт, заодно посплетничаем.

– Зачем вам зонт? Полями ваших шляп можно прикрыть целую флотилию.

Джонни поднялся с шезлонга и пошел к товарищам. Сам он к пляжам относился равнодушно, жару вообще недолюбливал. За годы в Африке он вдоволь натерпелся и обволакивающей духоты, не снившейся итальянскому югу, и тропических насекомых, чей укус мгновенно вызывал зудящую опухоль, и столкнулся с ужасными болезнями. А вот огромных хищников вблизи ни разу не наблюдал – те, наученные горьким опытом, держались подальше от людей в однотипной одежде, неприятно пахнущих ружейной смазкой.

Но плескаться в Лигурийском море ему понравилось: он заплывал далеко-далеко и в одиночестве качался на волнах. Словно в детстве, когда он с местной шпаной бегал на окрестное озеро и уплывал там дальше всех. А вот побыть одному в последние годы удавалось слишком редко.

Коллеги расположились в уличном ресторанчике под широким тентом (а где же еще?) – никакого желания купаться они не испытывали. Санети поехал, повинувшись жене, а Кавалло – в надежде, что морской климат окажет благотворное влияние на его больную ногу. Итальянец все чаще жаловался на здоровье и горстями глотал таблетки.

Если англичане – сторонники традиций – в основном пили после захода солнца, то итальянцы не сковывали себя условностями и делали это под настроение. Кувшин с вином уже опустел, и обрадованный Кавалло подозвал учтивого официанта, немедленно потребовав добавки.

Застольный разговор снова свернул на то, как им побороть проклятых немцев. Рецепт успеха придумать пока не удавалось. Если бы они были легкоатлетами, то совершенствовали бы до изнеможения искусство бега, жокеями – гоняли бы по кругу лошадей, добиваясь безупречных прыжков. Но им-то нужна отличная машина. А моторы Монетти проигрывают добрую сотню лошадей двигателям Рамберт.

– Слышали, со следующего года немцы выставляют вторую команду? Концерн ДАГ тоже строит гоночные автомобили. А они не менее крупная компания, чем «Рамберт», – Санети постучал по стеклу своих огромных, в пол-лица, черных очков. – Мамма миа, тогда нам придется совсем не сладко.

– Мало им одной конюшни! – скривился Кавалло, залпом осушая бокал. – Кого они берут?

– Слышал, хотят рекрутировать Шильта.

– С ним мы справимся.

– Не зарекайся, – улыбнулся Санети, – Шильт – опытный боец, пусть и прекрасно нам известный.

– А остальные?

– Молодёжь. Есть какой-то Крюгер, совсем юнец, но якобы фантастически быстрый. Его перетянули из мотогонок.

– Покажем ему, что лучше бы он оставался на двух колесах, – буркнул Кавалло.

– Это еще что! Знаете, в чем главная изюминка новой машины ДАГ? – решил добавить интриги Санети. – Мотор располагается сзади, а не спереди. Представляете? Какой смелый эксперимент!

Джонни и Кавалло дружно рассмеялись.

– Будет очень забавно, – сказал Кавалло. – Испокон веков лошадь тащила телегу, а вовсе не наоборот. Этих новаторов мы одолеем одной левой. Бьюсь об заклад, на сколько кругов мы обставим их колымаги!

– В любом случае, немцы настроены очень серьезно, их новая партия с высокой трибуны заявила: государство будет финансово поддерживать обе команды, и «Рамберт», и ДАГ, – сообщил Санети.

– Проклятье! С тех пор как к власти пришел этот полоумный фюрер, они стремятся к господству во всем, – с досадой ответил Кавалло. – Почитал я его речи в газетах – мрак какой-то, выбрали себе черт знает кого. Как бы «Рамберт» нас вновь не переплюнули. Не остаться бы без гроша.

– Неужели все так печально? Мы же должны учесть ошибки этого года? – удивился Джонни.

– К сожалению, это немцы. У них при любой власти всегда на первом месте надежность и аккуратность, – Санети пригубил из бокала. – Не то что у нас, итальянцев. Я люблю свою страну, но в нас слишком много безалаберности, южная жизнь расслабляет. Монетти – невероятный человек, но одному не под силу сдвинуть такую глыбу. Когда-нибудь мы пойдем, для успеха можно нанимать специалистов любых национальностей, лишь бы они были дельными. Вот Джонни же выступает за нас. Настанет время, когда гонщик или там конструктор сможет работать, где угодно, и не будет иметь никакого значения, под каким флагом он родился. В конце то концов, мы все граждане Старого Света.

– И наступит во всем мире мир, – мрачно подытожил Кавалло. – Не на нашем веку. Скажи это многочисленным европейским вождям.

– Ну, ты, старый черт. Уж мы-то с тобой можем уйти на отдых и выращивать оливки на своих виллах. Мало, что ли, мы боролись на трассах последние десять лет? – Санети добродушно похлопал товарища по плечу.

– Так это ты, Бес-на-Колесах, никак не угомонишься, аварии тебе нипочем, обходит тебя костлявая старуха...

Кавалло резко замолчал и Джонни догадался. Всего месяц назад насмерть разбился молодой гонщик, он выступал на частном стареньком автомобиле, это был его первый и последний старт в серьезном соревновании. Парню не хватило опыта и знания коварных зон и невидимых ловушек многокилометровой трассы, новичок допустил грубую ошибку – машину просто размазало о дерево. Хоронили в закрытом гробу. Никто из старожилов не успел перекинуться с ним и парой слов.

– Я так и не узнал, как его зовут, – Джонни мрачно допил свой бокал.

– Ты еще молод, гонки становятся все безопаснее, – отметил Санети. – А когда мы с этим старым пьяницей начинали гонять на мотоциклах, это был кромешный ад. Летишь на чертовом драндулете, а вокруг мелькают канавы, заборы, столбы, овраги, камни, только и думаешь, как бы не убиться к такой-то матери. Тогда едва ли не в каждой гонке кто-то ломал шею. Сумасшедшие были времена! Да и потом смерть выкосила немало ребят. Самая ужасная моя гонка – в Льеже, в тридцать втором, с неба лило, всемирный потоп позавидует. Целых трое погибли: один перевернулся, и его раздавило собственной машиной, другому птица в лицо на скорости врезалась (представляешь, как не повезло), а третий влетел прямо в колючую проволоку вокруг трассы, да так, что голову отрезало. И всех их я прекрасно знал. Помню, как у Марино на свадьбе гуляли, как Эжена я учил выбирать траекторию, а с графом Сарто мы вместе гоняли еще с двадцать четвертого, а тут его кровь на моей машине. Не приведи Господь еще такого. У меня тот день часто всплывает перед глазами.

– Ты выиграл тогда, – глухо произнес Кавалло.

– Я тогда выиграл, – эхом отозвался Санети. – Не будем оплакивать ушедших. Все мы сами выбрали этот путь и знаем, за что рискуем. За нас, синьоры!

## **Глава 10. Чехословакия, лучшая гостиница города Брно. Май 1936 года.**

Парочка бездельников у крыльца восхищенным взглядом просто облизала Петру, но та и бровью не повела. Во-первых, шла со спутником, а во-вторых, и так знала – любоваться есть чем. Не зря она несколько часов наряжалась и крутилась перед зеркалом. Длинное платье рубинового шелка выгодно подчеркивало фигуру: обтягивая плечи, расширялось к низу, падая волнами. Талию перехватывал узкий пояс, а на плечи Петра набросила бархатную пелерину. Проклятушее платье сожрало все деньги, и на песцовую горжетку уже не хватило. Продуманную картину дополняли подобранные строго в цвет перчатки до локтя, скромный бант, высокие туфли, кокетливые шляпка и сумочка.

Как хорошо, что стройность теперь в моде. В школе щуплая худосочная Петра сильно переживала, глядя на дородных соседок, вскормленных на деревенском молоке, а теперь они обзавидовались бы грациозности ее ножек.

В роскошном холле ресторана Петра с удовольствием оглядела себя в зеркале. Пусть и не писаная красотка, зато милая и обаятельная. По опыту, мужчинам в возрасте как раз нравятся девушки веселые и непосредственные. Впрочем, на входе они долго не задержались. Петра не стала долго прихорашиваться – переживала, достанется ли им место. Простофили-механики легко могли все напутать. Беспokoилась напрасно, они приехали даже раньше времени, разодетый мажордом (или как он там называется) проводил ее со спутником к заказанному столику.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.